

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

НАРОД,
ИЛИ КОГДА-ТО МЫ БЫЛИ ДЕЛЬФИНАМИ

Nation

Терри Пратчетт. Коллекция

Терри Пратчетт

**Народ, или Когда-то
мы были дельфинами**

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Народ, или Когда-то мы были дельфинами / Т. Пратчетт —
«Эксмо», 2008 — (Терри Пратчетт. Коллекция)

ISBN 978-5-04-119534-2

Мау – последний из своего народа: остальных унесло цунами, обрушившееся на его родной остров. Дафна чудом выжила после кораблекрушения. Он – мальчик-дикарь; из неё растили леди. Они говорят на разных языках и выросли на разных концах земного шара, но катастрофа сводит их вместе. Чтобы выжить, Мау и Дафна должны бросить вызов духам предков и самой смерти. А ещё раскрыть тайну, которая буквально перевернёт мир...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-119534-2

© Пратчетт Т., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Как Имо сотворил мир давным-давно, когда все было по-другому и луна тоже была другая	7
Глава 1. Эпидемия	9
Глава 2. Новый мир	20
Глава 3. Тропическая лихорадка	33
Глава 4. Сделки, заветы и обещания	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Терри Пратчетт

Народ, или Когда-то мы были дельфинами

Terry Pratchett
NATION

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2008

First published as Nation by Random House Children's Publishers UK, a part of the Penguin Random House group of companies

© Т.В. Боровикова, перевод на русский язык, 2021

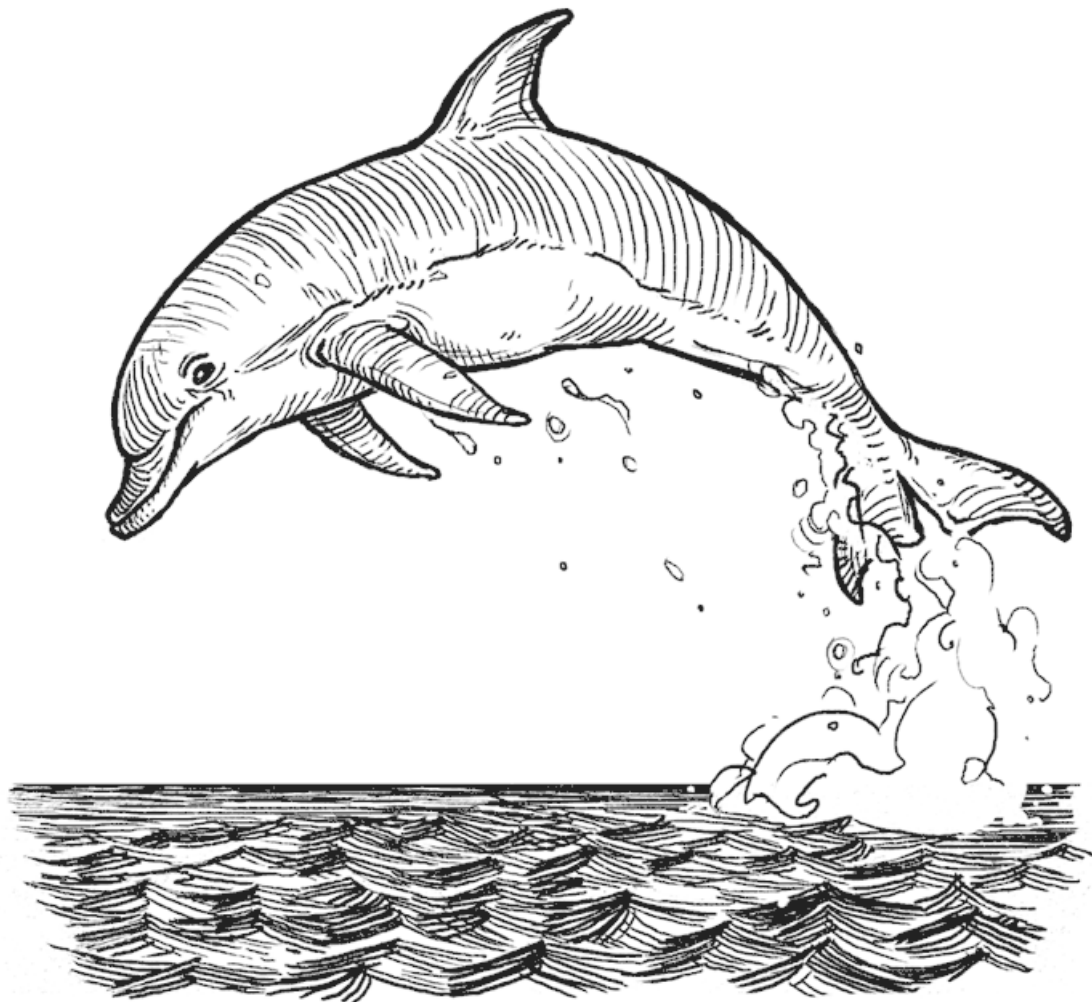
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Лин

Как Имо сотворил мир давным-давно, когда все было по-другому и луна тоже была другая

Однажды Имо пошел на рыбалку, но моря не было. Вообще ничего не было, кроме Имо. Тогда он плюнул на ладони и потерял одну о другую, и сделался шар, состоящий из моря. Потом Имо сделал несколько рыб, но они были ленивые и глупые. Тогда он взял души дельфинов, ведь дельфины хотя бы умели говорить, и смешал их с глиной, и помял в ладонях, и придал им форму, и они стали людьми. Они были умные, но не могли плавать целый день, поэтому Имо накопал еще глины, помял ее в ладонях, обжег на костре и так сотворил сушу. Скоро люди заполнили всю сушу и съели все, что можно было, поэтому Имо взял немного ночи, помял ее в ладонях и сделал Локаху, бога смерти.

Но Имо все равно чего-то не хватало. Он сказал: «Я играл с песком, как ребенок. Этот мир плох. Я делал его не по плану. Он получился неправильный. Я разомну этот мир в ладонях и сделаю другой, получше». Но Локаха сказал: «Глина уже схватилась. Люди погибнут». Имо рассердился и сказал: «Кто ты такой, чтобы со мной спорить?» И Локаха ответил: «Я часть тебя, как все сущее. И потому говорю тебе: отдай этот мир мне, а сам пойдешь и сделаешь другой, получше. Я буду справедливо править этим миром. Умирая, люди будут превращаться в дельфинов – на время, пока им не придет пора родиться снова. Но когда я найду человека, который стремился к цели, смог подняться над глиной, из которой его сотворили, оправдал этот

гнусный мир своей жизнью в нем, – тогда я открою людям дверь в твой совершенный мир, и они больше не будут принадлежать времени, но облачатся в звезды».

Имо согласился, ведь этот мир был его творением. Он отправился творить новый мир, в небе. Но прежде чем уйти, ондохнул себе в ладони и сделал других богов, чтобы Локаха не мог править один. Люди должны умирать, но пусть умирают в свой срок.

Вот потому мы рождаемся в воде, не убиваем дельфинов и стремимся к звездам.

Глава 1. Эпидемия

Снег валил так густо, что снежинки на лету слипались в большие хрупкие снежки; они падали на лошадей, стоящих в ряд вдоль причала, и тут же таяли. Было четыре часа утра, а в порту уже началось движение. Капитан Сэмсон никогда не видел, чтобы в доке царила такая суматоха. Груз прямо-таки вылетал с корабля; краны напрягались изо всех сил, стараясь как можно быстрее перекидать тюки. На корабле уже не просто пахло дезинфекцией, а прямо-таки разило. Люди, что поднимались на борт, были так пропитаны обеззараживающим раствором, что у них капало с сапог. Мало того, несколько человек протащили на корабль огромные, тяжелые опрыскиватели; они изрыгали ядовито-розовый туман, окутавший все вокруг.

Капитан Сэмсон ничего не мог поделать. Агент компании-владельца стоял тут же, на пристани, с приказом в руках. Но нужно было хотя бы попробовать.

– Мистер Блезард! Вы действительно думаете, что у нас на борту зараза? – крикнул капитан человеку на берегу. – Я вас уверяю...

– Нет, капитан, насколько мы знаем – нет, но все эти меры для вашего же блага, – отозвался агент в огромный рупор. – И еще раз напомню: ни вам, ни команде не разрешено сходить на берег!

– Мистер Блезард, у нас семьи!

– Я знаю, и о них уже позаботились. Поверьте, капитан, их не обидят, и вы тоже не останетесь внакладе, если выполните приказ. Вы должны выйти на рассвете и взять курс на Порт-Мерсию. У меня просто нет слов, чтобы объяснить вам, насколько это важно.

– Это невозможно! На другой конец света! Мы всего несколько часов как вернулись! У нас мало провианта и воды!

– Вы поднимете якорь на рассвете и в проливе Па-де-Кале встретитесь с «Ливерпульской девой», она как раз идет из Сан-Франциско. У нее на борту люди из компании. Они дадут вам все нужное. Они оберут и обдерут свой корабль до ватерлинии, лишь бы у вас было сколько нужно провианта и команды!

Капитан покачал головой.

– Мистер Блезард, этого недостаточно. Вы требуете слишком многого. Я... Бог свидетель, мне недостаточно, что вы покричали в жестяную трубку. Мне нужны приказы от высшего начальства.

– Капитан, я думаю, мой приказ вы сочтете достаточно веским. Вы позволите мне подняться на борт?

Капитан узнал голос.

Это был голос Бога. По крайней мере, его первого заместителя. Капитан узнал голос, но не самого человека, стоявшего у сходней. На говорящем было надето что-то вроде птичьей клетки. Во всяком случае, так показалось капитану сначала. Вблизи стало видно, что это каркас из тонкой проволоки, обтянутый марлей. Человек, облаченный в такое сооружение, передвигался в облаке дезинфицирующего средства.

– Сэр Джеффри! – сказал капитан на всякий случай, когда человек начал медленно подниматься по блестящим мокрым сходням.

– Да, капитан. Прошу меня извинить за этот наряд. Он, по очевидным причинам, называется костюмом спасения. Это для вашей защиты. Русская инфлюэнца... Вы и представить себе не можете, насколько это ужасно... Мы полагаем, что худшее уже позади, но все слои общества очень сильно пострадали. *Все* слои, капитан. Поверьте.

Тон, которым председатель произнес слово «все», поверг капитана в замешательство.

– Надеюсь, его величество не... не... – Остаток вопроса застрял у него в горле.

– Не только его величество, капитан. Как я уже сказал, вы и представить себе не можете, – отозвался сэр Джеффри; красный дезинфекционный раствор капал с подола «костюма спасения», и на палубу натекла лужа, цветом похожая на кровь. – Слушайте. Страна не ввергнута в полный хаос только потому, что люди пока боятся высунуть нос на улицу. Я как председатель корабельной компании приказываю – а как старый друг умоляю: ради блага империи, идите в Порт-Мерсию. С такой скоростью, словно за вами гонится сам дьявол. Найдите там губернатора. Потом... А, вот и ваши пассажиры. Сюда, джентльмены.

К хаосу, царящему в порту, добавились еще две кареты. Пять закутанных фигур поднялись по сходням, таща огромные ящики. Ящики сгрузили на палубу.

– Кто вы такой, сэр? – спросил капитан ближайшего незнакомца, который ответил:

– Вам этого не нужно знать, капитан.

– Да неужели?! – Капитан умоляюще простер руки к сэру Джеффри. – Черт возьми, председатель, простите за грубость! Я ли не служил компании верой и правдой больше тридцати пяти лет? На «Катти Рен» я капитан, сэр! Капитан должен знать свой корабль и все, что на нем есть! Я не позволю держать меня в неведении, сэр! Если вы считаете, что мне нельзя доверять, я прямо сейчас сойду на берег!

– Прошу вас, капитан, не обижайтесь, – сказал сэр Джеффри. И обратился к главе пришельцев: – Мистер Блэк? Капитан, безусловно, заслуживает доверия.

– Да, я поторопился. Капитан, примите мои извинения, – ответил мистер Блэк, – но нам нужен ваш корабль по чрезвычайно важным причинам, поэтому, к сожалению, приходится опускать формальности.

– Вы из правительства? – резко спросил капитан.

Мистер Блэк явно удивился:

– Из правительства? Боюсь, что нет. Между нами говоря, от правительства мало что осталось, а кто и остался, большей частью попрятались в подвалах. Буду с вами откровенен: правительство всегда старалось знать о нас как можно меньше. И вам советую держаться того же курса.

– Да неужели?! Я, знаете ли, не вчера родился...

– Да, капитан. Действительно, вы родились сорок пять лет назад вторым сыном у мистера и миссис Берти Сэмсон и при крещении получили имя Лионель в честь дедушки, – сказал мистер Блэк, преспокойно опуская свою ношу на палубу.

Капитан опять заколебался. Похоже было, что ему сейчас начнут угрожать. То, что угрозы не последовало, почему-то сильно выбило его из колеи.

– Так на кого вы работаете? – выдавил он из себя. – Я должен знать, кто у меня на борту.

Мистер Блэк выпрямился.

– Как вам будет угодно. Мы известны под именем Джентльменов Последней Надежды. Мы служим Короне. Так лучше?

– Но я думал, что король... – Капитан умолк, не желая произносить страшное слово.

– Он *умер*, мистер Сэмсон. Но Корона никуда не делась. Скажем так... мы служим высшим целям. И ради достижения этих целей, капитан, ваши люди получают вчетверо против обычной платы и сверх того по десять гиней за каждый день, на который вы побьете рекорд скорости в достижении Порт-Мерсии. И еще сверх того – сто гиней по возвращении. Вероятность повышения по службе для всех рядовых и офицеров на борту сильно возрастет. Вы, капитан, конечно, получите повышенную плату, подобающую вашему чину. А поскольку, как нам известно, вы собираетесь в отставку, то Корона, разумеется, выразит свою благодарность традиционным образом.

За спиной капитана сэр Джеффри произнес несколько слов, одновременно закашлявшись: «Кха-рыцарское-звание-кха».

– Я уверен, что миссис Сэмсон очень обрадуется, – сказал мистер Блэк.

Это было пыткой. Капитан Сэмсон представил себе, что произойдет, если миссис Сэмсон когда-либо узнает, что он упустил возможность сделать ее *леди* Сэмсон. Думать об этом было невыносимо. Он уставился на человека, называвшего себя «мистер Блэк», и тихо спросил:

– Что-то должно случиться? Вы пытаетесь что-то предотвратить?

– Да, капитан. Войну. Наследник трона должен ступить на землю Англии не позднее девяти месяцев после смерти монарха. Это все записано в Великой хартии вольностей – мелким шрифтом. Точнее, мелким почерком. Видите ли, бароны не хотели появления нового Ричарда Львиное Сердце. К сожалению, официант, который разливал суп на дне рождения короля, оказался носителем болезни. Поэтому двое ныне живущих наследников престола, первых на очереди, сейчас находятся где-то в Великом Южном Пелагическом океане. Полагаю, капитан, вы его хорошо знаете?

– О, теперь я все понял! – воскликнул капитан, указывая на ящики. – Это английская земля. Мы находим наследника, он на нее ступает, и мы кричим: «Ура!»

Мистер Блэк улыбнулся.

– Отлично, капитан! Я впечатлен. К сожалению, об этом подумали до нас. В Хартии вольностей есть подпункт, специальная оговорка, что земля Англии, на которую ступает наследник, должна быть прикреплена к собственно Англии. Мы можем объявить наследника престола за

границей – можем даже короновать его, если нужно, – но для полной ратификации он должен прибыть в Англию в установленный срок.

– Простите, мистер Блэк, мне казалось, что я хорошо знаю Великую хартию вольностей, но я никогда не слышал об этих условиях, – произнес сэр Джеффри.

– Все правильно, сэр, – терпеливо ответил Джентльмен Последней Надежды. – Это потому, что они из *окончательной* версии. Бароны и подписаться-то едва умели – думаете, они смогли бы разработать набор разумных правил для управления огромной страной до скончания века? Их секретари составили полную, действующую Хартию месяцем позже. Она в семьдесят раз длиннее, зато в ней все предусмотрено. К сожалению, у французов тоже есть копия.

– Почему? – спросил капитан.

На пристань въехала еще одна карета. Она выглядела дорого, и на дверях был нарисован герб.

– Потому, капитан, что если вы не преуспеее, вполне возможно, что королем Англии станет француз, – ответил мистер Блэк.

– Что?! – заорал капитан, отвлекаясь от прибывшей кареты. – Этого никто не потерпит!

– Французы – очаровательные люди, – торопливо замахал руками сэр Джеффри. – Наши союзники в той неприятной крымской истории и все такое, но...

– О, на этот счет у нас с французским правительством полное согласие, и мыслим мы в одном ключе, – сказал мистер Блэк. – Менее всего они хотели бы видеть француза на троне – любом троне, любой страны. Наши галльские братья этого не потерпят. Однако во Франции есть и те, кто придерживается иного мнения. Поэтому мы считаем, что для всех будет лучше, если нового монарха удастся привезти в Англию как можно скорее, поднимая при этом как можно меньше шума.

– Они и своего последнего короля убили! – продолжал капитан Сэмсон, не желая, чтобы такой добротный гнев пропал понапрасну. – Мой отец сражался против них при Трафальгаре! Нет, сэр, мы этого не потерпим, ни за что! Я говорю от лица всей команды, сэр! Мы снова побьем этот рекорд, сэр, и на пути туда, и на пути обратно!

Он огляделся в поисках сэра Джеффри, но тот уже сбежал по сходням на берег и суетился вокруг двух вышедших из кареты особ, закутанных в вуали.

– Это... дамы? – спросил капитан, когда они вспорхнули на борт «Катти Рен» и прошептали мимо, словно капитан вообще не заслуживал внимания.

Мистер Блэк отряхнул от снега собственную вуаль.

– Та, что поменьше ростом, – горничная. Она, полагаю, женщина. Та, что повыше, вокруг которой так вьется ваш председатель, – держательница крупного пакета акций вашей корабельной компании и, что гораздо важнее, мать наследника престола. Она действительно дама, хотя, по моему ограниченному опыту общения с ней, она к тому же нечто среднее между Боадиеей, но без боевой колесницы, Катериной Медичи без отравленных колец и Аттилой-гунном, но без его чувства юмора. Не садитесь играть с ней в карты – она плутует, как миссисипский шулер. Запирайте от нее шерри. Делайте, что она говорит, и тогда мы, может быть, выживем.

– Острый язык, а?

– Как бритва, капитан. А вот более радостные вести: по пути мы можем нагнать дочь наследника. Она поехала к отцу – к счастью, задолго до того, как разразилась эпидемия. Сегодня она должна отплыть из Кейптауна на шхуне «Милая Джуди», которая идет в Порт-Мерсию через порт Адвент. Капитаном там Натан Робертс. Вы, кажется, его знаете.

– Что, старый Робертс-Аллилуйя? Он еще не отдал концы? Он отличный капитан, один из лучших, да и «Милая Джуди» отличное судно. Так что девочка в хороших руках. – Капитан улыбнулся. – Надеюсь только, что она любит гимны. Интересно, старик Робертс по-прежнему разрешает команде ругаться только в бочонок воды, стоящий на корме?

– Набожный человек? – спросил мистер Блэк по пути в тепло кают-компаний.

- Самую чуточку, сэр, самую чуточку.
- И насколько же велика эта «чуточка» у капитана Робертса?
- Капитан Сэмсон усмехнулся.
- Примерно с Иерусалим...

На другом конце света море пылало, ветер выл и ревущая тьма была над бездною¹.

Чтобы складывать гимны на ходу, нужно быть незаурядным человеком, но именно таков был капитан Робертс. Он знал все до единого гимны в «Сборнике старинных и современных песнопений» и, стоя на вахте, всегда распевал их ревностно и громко, что и послужило одной из причин мятежа.

А сейчас близился конец света, небеса на рассвете потемнели, с неба падал апокалиптический огненный дождь, поджигая такелаж, капитан Робертс привязал себя к штурвалу, море вздымалось под ним, и он чувствовал, как «Милая Джуди» взлетает в небеса, словно подхваченная некой всемогущей рукой.

Грохотал гром, сверкала молния. Град барабанил по зюйдвестке капитана. Огни святого Эльма засияли на верхушках мачт, а затем затрещали на бороде самого капитана, когда он запел красивым, глубоким баритоном.

– *К Тебе, Отец Предвечный, льну, Ты дланью укротил волну*, – ревел он в наступающую темноту, а «Джуди» плясала, как балерина, пытаясь удержаться на неукротимой волне. – *Пучине, пред Тобою ниц, держаться наказал границ...*

«С какой скоростью мы движемся?» – подумал он, а ветер рвал паруса и уносил обрывки прочь. Волна была высотой с церковь и, похоже, двигалась быстрее ветра! Капитан смотрел вниз и видел, как островки исчезают под набегающей ревущей водой. В такой час особенно необходимо без усталости восхвалять Господа!

– *На море гибнущих в борьбе услышь, взывающих к Тебе!*² – допел он, замолк и стал вглядываться во тьму.

Там было что-то большое и темное. Оно очень быстро приближалось. Лавировать было уже поздно. Препятствие слишком большое, и судно все равно не слушается руля. Капитан, однако, продолжал цепляться за штурвал в знак своей веры – чтобы показать Богу, что капитан его не оставляет. Капитан надеялся, что и Бог, в свою очередь, его не оставит. Капитан запел следующий куплет и принялся поворачивать штурвал; молния осветила путь по неукротимой волне – при свете горящего неба капитан увидел проход впереди, долину или расщелину в каменной стене. «Словно воды Черного моря расступились»³, – подумал капитан, только наоборот, конечно.

Еще одна вспышка молнии – и стало ясно, что расщелина заросла лесом. Но волна ударит в этот лес на уровне верхушек деревьев. Может быть, спасение еще возможно, даже теперь, даже из самой адовой пасти. Вот сейчас...

Так и получилось, что шхуна «Милая Джуди» плыла через джунгли, а капитан Робертс во внезапном приступе вдохновения сочинял новый куплет, по вполне понятной причине отсутствовавший в оригинале.

– *Воздвигший горы и леса, чтоб не упали небеса...*

Капитан не был особенно уверен насчет «воздвигший», но вместо него, в крайнем случае, можно было подставить «создавший».

¹ Ср.: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2). (Здесь и далее, если не оговорено иначе, прим. переводчика.)

² Текст гимна до этого места написан Уильямом Уайтингом из Винчестера (Англия) в 1860 году. Этот гимн известен также как гимн британского Королевского военно-морского флота, Военно-морских сил США и Корпуса морской пехоты США. Строки, использованные в тексте далее, созданы самим Терри Пратчеттом.

³ Исх. 14:21–2.

Ветви деревьев ломались под килем с треском ружейных выстрелов, толстые лианы цеплялись за остатки мачт...

– *Плодов создатель и ветвей... Десницей мощною Твоей...*

На палубу дождем сыпались плоды и листья, но корабль вдруг сотрясся – обломок ствола вспорол днище, рассыпав балласт.

– *Услышь взывающих к Тебе.* – Капитан Робертс крепче вцепился в бесполезный штурвал и расхохотался в лицо надвигающейся тьме. – *На суше гибнущих в борьбе!*

Три огромных ствола смоковницы, что веками противостояли циклонам, мощные, как крепостные башни, вылетели из будущего в настоящее, к вящему удивлению капитана. Его последняя мысль была: «Может, лучше было бы сказать «лесов создатель и полей»?..»

Капитан Робертс отправился на небеса. Там все оказалось не совсем так, как он ожидал. Отступающая волна тихо опустила останки «Джуди» на лесную почву. На всем корабле осталась только одна живая душа. Ну, можно считать, что две, если вы любите попугаев.

В день, когда случился конец света, Мау направлялся домой. Ему нужно было преодолеть больше двадцати миль. Но он прекрасно знал дорогу. Еще бы: кто не знает этой дороги, тот не мужчина. А он уже мужчина... ну почти. Разве он не прожил месяц на острове Мальчиков? Кто там выжил – тот уже мужчина.

Точнее говоря – кто выжил и вернулся.

Про остров Мальчиков никто не рассказывал. Открыто не рассказывал. Мальчики росли и набирались сведений по ходу дела, но самое главное узнавали очень быстро.

Главное, что следовало знать об острове Мальчиков, – то, что с него надо выбраться. Твоя душа мальчика останется там, а когда вернешься к Народу, получишь новую – душу мужчины.

Выбраться нужно обязательно, иначе случится ужасное. Если пройдет тридцать дней и ты не вернешься с острова – тебя привезут, и ты уже никогда не станешь мужчиной. Мальчики говорили так: «Чтобы тебя привезли с острова? Да лучше утонуть!» Все будут знать, что ты неудачник. И ни одна женщина никогда не пойдет за тебя в жены. Разве что такая, на которую больше никто не позарится: с гнилыми зубами и вонючим ртом.

Мау не мог спать несколько недель, все думал об этом. На остров ничего нельзя было взять с собой, кроме ножа, и Мау снились кошмары о том, что нельзя построить каноэ за тридцать дней одним ножом. Просто невозможно. Но все мужчины Народа как-то умудрились это сделать, значит, какой-то способ есть, правда же?

Мау нашел его на второй день пребывания на острове Мальчиков.

Посреди острова был якорь богов – бурый каменный куб, полускрытый землей и песком. Тяжелые лианы выросли поверх него и обвились вокруг огромного ствола табаго. В сухую кору дерева были глубоко врезаны знаки на детском языке: «Мужчины помогают друг другу». Рядом, глубоко всаженный в дерево, торчал алаки, полированный черный камень на длинной ручке. С одного конца камня был топор. С другого – тесло, чтобы выдолбить лодку.

Мау вытащил топор и усвоил урок. Как и множество мальчиков до него, однажды вечером Мау залез на то дерево и нашел сотни зарубок – поколения благодарных мальчиков оставляли здесь этот, или такой же, топор для тех, кто придет за ними. Иные из этих мальчиков – уже Дедушки, там, в пещере, на горе, дома.

Они видят на много миль вокруг – может быть, смотрели и на него, на Мау, когда он нашел бревно, хорошо выдержанное и не слишком старательно спрятанное среди панданусов в дальней части островка. Вот Мау доберется домой и всем расскажет, что нашел бревно, и все скажут, что ему повезло и что, может быть, это бревно боги положили туда. Мау подумал и вспомнил, что недавно его отец и пара дядюшек ездили ловить рыбу в эту сторону, а его с собой не взяли...

Он хорошо провел время. Он умел разводить костер и нашел пресноводный ручеек. Он сделал копье, которое годилось для ловли рыбы в лагуне. И еще построил хорошее каноэ – крепкое и легкое, с балансиrom. Можно было сделать на скорую руку, чтоб только домой добраться, но Мау обстругал каноэ ножом и отполировал шкурой ската до того, что оно словно шептало, скользя по воде.

Мау не спешил приблизить последний день своей мальчиковой жизни. Так посоветовал отец. «Наведи порядок в лагере, – сказал он. – Скоро ты будешь принадлежать жене и детям. И это правильно. Но порой ты будешь с нежностью вспоминать последний день, когда был мальчиком. Пусть у тебя останется добрая память. И возвращайся вовремя, чтобы успеть к пиру».

Мау так убрал свою стоянку, что и следов не осталось. Он в последний раз встал перед древним деревом табаго с топором в руках. Он был уверен, что Дедушки смотрят ему в спину.

Он знал, что все будет точно так, как надо. Прошлой ночью в небе сошлись звезды Воздуха, Огня и Воды. Хорошее время для новых начинаний.

Мау нашел нетронутое место в мягкой коре и занес топор. Перед глазами мелькнула голубая бусина на нитке, обвязанной вокруг запястья, – она сохранит его по дороге домой. Отец говорил, что на обратном пути Мау будет очень гордиться собой. Но он должен вести себя осторожно, чтобы не привлечь внимания каких-нибудь богов или духов. Пока он не получил новую душу, он в опасности. Он как *мией гауи*, маленький синий краб-отшельник, что раз в году перебегает из одной скорлупы в другую, – легкая добыча для любого случайного кальмара.

Эта мысль пугала, но каноэ было хорошим, море – спокойным, и Мау полетит по воде быстро, да-да! Он со всей силы взмахнул топором, думая: «Ха! Следующий мальчик, который вытащит этот топор, по справедливости заработает звание мужчины».

– Мужчины помогают друг другу! – прокричал он, когда каменное лезвие вонзилось в кору.

Он хотел, чтобы этот крик возымел какой-то эффект. Но на такой – даже не рассчитывал. Со всех концов островка, подобно взрыву, в небо поднялись птицы. Они роились, как пчелы. Вьюрки, цапли, утки взлетели из кустов, воздух наполнился паникой и перьями. Несколько самых крупных птиц направились в море, но большинство просто кружили в небе. Они как будто боялись оставаться на острове и в то же время не знали, куда лететь.

Мау шел на берег, пробираясь сквозь птичьи стаи. Ярко раскрашенные крылья мельтешили у лица, как летящие градины, и это было бы волшебно красиво, только все без исключения птицы, едва взлетев, гадили на лету. Когда торопишься, ни к чему тащить с собой лишний вес.

Что-то было не так. Это чувствовалось в воздухе, во внезапном спокойствии; мир как будто взяли и придавили тяжелым прессом.

И вдруг это что-то ударило Мау, повалив его на песок. Казалось, голова сейчас взорвется. Это было еще хуже, чем тогда, когда Мау играл в «собери камни со дна» и слишком задержался под водой. Что-то давило на мир, как огромный серый камень.

Потом боль ушла, вспоров воздух, – так же быстро, как и появилась. Мау задыхался, оглушенный. Небо над головой все так же кишело птицами.

Мау, шатаясь, поднялся на ноги. Он знал только, что отсюда надо уходить, и больше ничего, но, по крайней мере, он ощущал это каждым волоском и каждым ногтем.

В чистом небе прогремел гром. Один невероятный раскат, сотрясший горизонт. Мау, нетвердо ступая, сбегал к маленькой лагуне, а шум все не прекращался. Вот и каноэ – ждет на белом песке у края воды. Но вода, обычно спокойная, танцевала... танцевала, словно под сильным дождем, хотя никакого дождя не было.

Надо убираться отсюда. Каноэ легко соскользнуло в воду, и Мау яростно погреб к просвету между рифами, ведущему в открытое море. Вокруг каноэ и под ним рыбы пробивались в

ту же сторону. Звук длился, словно что-то твердое врезалось в воздух, разбивая его на куски. Он заполнил все небо. Мау словно великан ударил по ушам. Мау попытался грести быстрее, но потом у него в голове появилась мысль: «*Животные* спасаются бегством. Так говорил отец. *Мальчики* спасаются бегством. Мужчины – *нет*. Мужчина смотрит на врага, чтобы узнать, что тот делает, и найти его слабое место».

Мау вывел каноэ из лагуны, оседлал прибой и легко вылетел в океан, а затем огляделся вокруг, как мужчина.

Горизонт был одним огромным облаком. Облако кипело и росло, полное огня и молний, и рычало, как в кошмарном сне.

Волна ударила в коралл, и это тоже было неправильно. Мау знал море, и так не должно было быть. Остров Мальчиков быстро удалялся, потому что ужасное течение тащило Мау к огромному пузырю, надутому бурей. Горизонт словно всасывал море в себя.

Да, мужчины смотрят в лицо врагу, это правда. Но иногда они поворачиваются спиной и гребут изо всех сил.

Только это ничего не изменило. Море текло туда, к черному облаку, а потом вдруг опять затанцевало, как вода в лагуне. Мау старался не потерять головы и боролся с каноэ, пытаясь удержать его.

Он доберется домой. Как же иначе? У него в голове была маленькая и отчетливая картинка. Он вертел ее в голове, рассматривая со всех сторон, упиваясь ею.

Соберутся все. До единого. Без исключения. Хворые старики скорее согласятся умереть на циновках у края воды, чем пропустить это событие. Женщины родят прямо там, если по-другому не получится, наблюдая, как возвращается домой его каноэ. Пропустить прибытие нового мужчины – немыслимо. Это навлекло бы ужасное несчастье на весь Народ.

Отец будет смотреть на него, стоя на краю рифа, и они вытащат каноэ на песок, и прибегут все дядюшки, и новые молодые мужчины будут наперебой поздравлять его, а мальчики, которых он обогнал, будут завидовать, а мать и другие женщины начнут готовить пир, и будет... то, что делают острым ножом, когда нельзя кричать, а потом... потом будет всё.

Если только у него получится удержать в голове эту картину, она превратится в реальность. Это была сверкающая серебряная нить, которая связывала его с будущим. Она действует, как якорь богов, который удерживает их на месте.

Боги – вот оно что! Эта штука идет с острова Богов. Он за горизонтом, отсюда не видно, но старики рассказывали, что однажды, давным-давно, он взревел, и на море было волнение, и много дыма и грома, потому что бог огня рассердился. Может быть, теперь он опять рассердился?

Облако уже дошло до верхушки неба, а внизу, на уровне моря, появилось что-то новое. Темно-серая линия. Она росла. Волна? Ну, про волны Мау все знает. Их надо атаковать, пока они не атаковали тебя. Он умеет играть с волнами. Не позволяй им себя опрокинуть. Используй их. Волны – это просто.

Но эта волна вела себя не как другие, обычные волны в просвете рифа. Она, казалось, стояла неподвижно.

Мау уставился на нее и наконец понял, что видит. Кажется, что волна стоит неподвижно, потому что это очень большая волна и очень далеко, и она движется очень быстро и тащит за собой черную ночь.

Очень быстро и уже не очень далеко. Это даже не волна. Слишком уж большая. Это была гора воды, с молнией, танцующей на вершине, она неслась, она ревела, она подхватила каноэ, как муху.

Взлетая по вздымающемуся, пенящемуся изгибу волны, Мау всунул весло под лианы, которыми был привязан балансир, и вцепился изо всех сил...

Шел дождь. Тяжелый, грязный, полный пепла и тоски. Мау пробудился от сна о жареной свинине и приветственных криках мужчин, открыл глаза и увидел серое небо.

Потом его стошнило.

Каное покачивалось на зыби, пока Мау вносил свой вклад в то, что уже плавало в море, – куски дерева, листья, рыба...

Вареная рыба?

Мау подгреб к большой рыбе *хеке* и умудрился втащить ее на борт. Действительно, рыба оказалась вареной, и это был настоящий пир.

Ему нужен был пир. Все тело болело. Голова с одной стороны была вымазана чем-то липким – это оказалась кровь. Видимо, в какой-то момент он ударился о борт каное, что, в общем, было неудивительно. Катание на волне осталось в памяти – ударами по ушам, жжением в груди, – словно сон, от которого хочется только скорее проснуться. Мау ничего не мог – только цепляться изо всех сил.

В воде был туннель – словно движущаяся пещера воздуха в толще гигантской волны, а потом – буйство бурунов, когда каное вылетело из воды, как дельфин. Мау готов был поклясться, что каное взлетело в воздух. И еще пение! Мау слышал его лишь несколько секунд, когда каное мчалось вниз по другому склону волны. Должно быть, какой-нибудь бог, а может, демон... а может, просто у людей в голове раздаются такие звуки, когда они наполовину летят, наполовину утопают в мире, где вода и воздух каждый миг меняются местами. Но все уже кончилось, и море, которое только что пыталось его убить, теперь предлагало ему ужин.

Рыба была вкусная. Мау чувствовал, как тепло проникает до костей. Рыбы было много, и кроме нее в море еще много чего плавало. Мау нашел пару незрелых кокосов, с благодарностью выпил сок и приободрился. Теперь ему будет что рассказать! Такая большая волна должна была дойти и до дома, так что они будут знать, что он не врет.

А кстати, где же дом? Острова Мальчиков видно не было. Неба тоже. Островов не было вообще! Но один горизонт был светлее другого. Солнце садилось где-то вон там. Прешлой ночью Мау смотрел, как солнце садится над островом Народа. Значит, надо плыть туда. Мау двинулся в путь, глядя на бледный горизонт.

Птицы были повсюду – они приманивались на все, что плавало. В основном маленькие выюрки, они бешено щебетали, когда каное проплывало мимо. Некоторые подлетали и опускались прямо на каное, сбиваясь в кучку и глядя на Мау с каким-то отчаянным, испуганным оптимизмом. Один выюрок даже сел Мау на голову.

Пока Мау выпутывал птицу из волос, послышался удар, словно что-то намного более тяжелое приземлилось на корму. Выюрки испуганно вспорхнули и тут же опустились обратно, потому что у них не было сил лететь куда-то еще. Но постарались оказаться подальше от нового пассажира, зная его неразборчивость в еде.

Это была большая птица с блестящим иссиня-черным оперением и белой грудью. На ногах росли пушистые белые перышки. Зато огромный клюв был яркий – красно-желтый.

Это птица-дедушка, она приносит удачу – во всяком случае, людям. Ничего, что из-за нее каное Мау замедлило ход и что она съела одну из его рыб. Птицы-дедушки научились не бояться людей: даже просто прогнать одну из них значило навлечь на себя неудачу. Мау греб, чувствуя, что глаза-бусинки смотрят ему в спину. Он надеялся, что птица и вправду приносит удачу. Если ему хоть немножко повезет, он будет дома еще до полуночи.

– Эк! – закричала птица и поднялась в воздух, унося в клюве еще одну рыбу из запасов Мау; каное закачалось.

«Ну что ж, – подумал Мау, – зато оно стало легче. Не так уж мне и нужна эта рыба. Сегодня вечером я до отвала наемся свинины!»

Птица тяжело приземлилась на плавающее впереди бревно. Довольно большое бревно. Подплыв поближе, Мау обнаружил, что это целое дерево, даже с корнями, хотя многие ветви у него обломаны.

Он увидел торчащий из воды топор, опутанный лианами. Он как знал, что увидит этот топор. Топор приковал к себе взгляд Мау и на миг стал центром, неподвижной точкой, вокруг которой завертелся весь мир.

Птица-дедушка подбросила рыбу в воздух, чтобы проглотить ее целиком, а потом взлетела с мрачным видом, словно говоря: «Да стоит ли оно того?» – и медленно хлопая большими крыльями. Крылья почти касались грязной воды.

Ствол, освободившийся от веса птицы, начал вращаться. Но Мау был уже в воде. Он схватился за ручку топора как раз в тот момент, когда она ушла под воду. Задержал дыхание, уперся ногами в ствол дерева и дернул. Ничего не скажешь, от большого ума он тогда, сто лет назад, всадил топор в дерево со всей силы, чтобы показать следующему за ним мальчику, какой он весь из себя мужчина...

У него должно было все получиться. Последний могучий рывок – и дерево должно было отпустить топор. В идеальном мире так и было бы. Но разбухшая древесина держала крепко.

Мау нырял еще три раза и каждый раз выныривал, кашляя и плюясь соленой водой. У него была глубокая, мрачная уверенность, что это неправильно: он не сомневался, что боги послали этот топор ему. Потому что этот топор ему потом понадобится. Мау был в этом уверен. А он не справился.

В конце концов, он поплыл обратно к каноэ и схватился за весло, пока птица-дедушка не скрылась из виду. Птицы-дедушки всегда прилетают на сушу ночевать, а Мау был совершенно уверен, что от острова Мальчиков ничего не осталось и возвращаться туда нет смысла. Этому дереву табаго, должно быть, несколько сотен лет. У него корни толще, чем туловище Мау. Похоже, что это дерево удерживало весь остров! А среди корней был якорь богов. Никакая волна не должна была сдвинуть с места якорь богов. Это все равно что сдвинуть с места весь мир.

Птица-дедушка летела себе вперед, где алела тонкая линия горизонта – Мау никогда не видел такого алого заката. Он греб изо всех сил, стараясь не думать о том, что найдет впереди; и именно потому, что он старался не думать, мысли метались у него в голове, как встревоженные собаки.

Он постарался их успокоить. Если вдуматься, остров Мальчиков – просто скала, окруженная песчаными отмелями. Верно ведь? Он ни на что не годится, разве только как пристанище для рыбаков или место для мальчиков, пытающихся стать мужчинами. А на острове Народа есть горы – ну, по крайней мере, одна настоящая гора, – и река, и пещеры, и целые леса, и мужчины, которые знают, что делать!

Правда же? Но что они могут сделать?

Картинка, изображающая пир в честь новой мужской души Мау, все мерцала у него в голове. Она никак не соглашалась замереть, и Мау не мог найти серебряную нить, связующую его с картиной.

Что-то темное проплыло на фоне заката, и Мау чуть не расплакался. Это закатная волна идеальной формы прокатилась через красный диск, который как раз коснулся линии горизонта. У всех мужчин на островах Солнца была татуировка с такой картинкой, знак их мужской сущности, и Мау знал: через несколько часов такая же будет и у него.

А потом там, где прошла волна, появился остров Народа. Мау мог узнать его очертания с любой стороны. До острова было миль пять. Ну что ж, еще пять миль Мау по силам. Скоро он увидит огни костров.

Мау с удвоенной силой заработал веслом. Напрягая глаза, чтобы разглядеть темный силуэт в странном сумеречном свете, он увидел белую полосу прибоя на рифе. Пожалуйста, ну, пожалуйста, пускай скоро покажутся огни костров!

Он уже улавливал все запахи суши, кроме одного – вожаемого запаха дыма.

А вот и он – резкая струйка на фоне запахов моря и леса. Где-то горит костер. Мау не видел его, но где огонь, там и люди. Конечно, где прошла та волна, сухого дерева много не осталось. Но здесь эта волна не могла быть такой страшной. Где угодно, только не здесь. Он и раньше видел большие волны. Они могли натворить беды, разломать в щепки одно-два каноэ. Ну да, эта волна показалась ему *очень* большой, но ведь все волны кажутся большими, когда они вздымаются у тебя над головой! Люди сходили в горы и принесли сухих дров. Да, так и случилось. Конечно, так и было. Он беспокоится из-за ерунды. Они скоро вернуться.

Так оно и есть. Именно так все и будет.

Но серебряная нить не появлялась. Он мог сколько угодно рисовать в голове счастливые картинки, но их окружала тьма, и пути к ним не было.

Уже почти стемнело, когда каноэ вошло в лагуну. Мау различал ветки и листья. Он ударился о большой кусок коралла, который, видимо, волна отломала от рифа. Но риф для того и существовал. Он принимал на себя удары штормов. За рифом, в лагуне, люди были в безопасности.

Каноэ коснулось пляжа, ткнулось в песок – словно поцеловало его.

Мау вышел на берег и в последний момент вспомнил о жертве. За успешное путешествие нужно принести в жертву красную рыбу, а его путешествие было, конечно же, успешным, хоть и необычным. Он не запасся красной рыбой. Ну что ж, он ведь пока еще мальчик, а мальчикам боги многое прощают. Он хотя бы *вспомнил*. Это уже считается.

Других каноэ вокруг не было. А должно быть много. Даже в темноте стало ясно: что-то не так. В лагуне никого не было; никто не стоял на берегу.

Мау все равно крикнул:

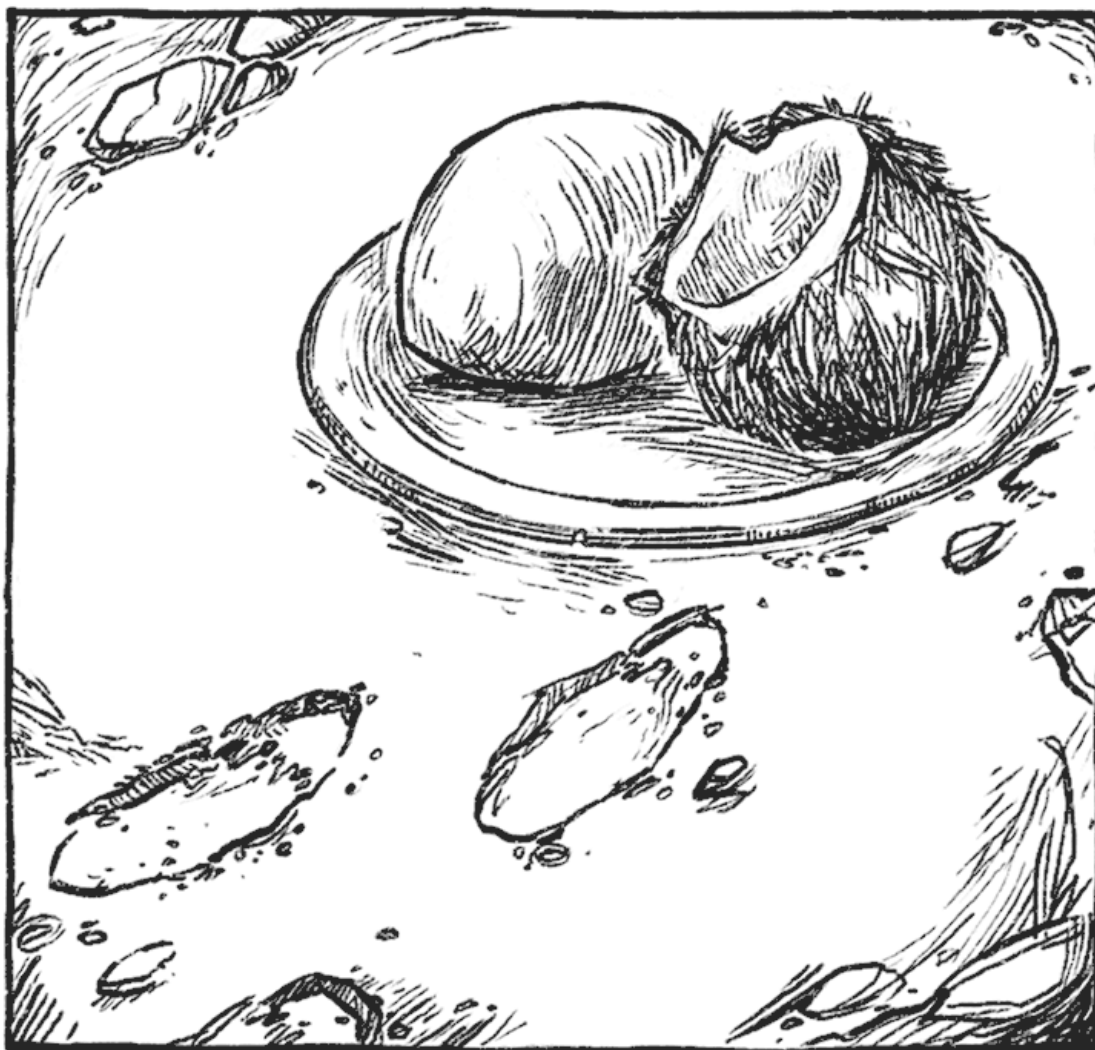
– Эй! Это я, Мау! Я вернулся!

Он заплакал, и это было еще хуже. Он плакал и раньше, в каноэ, но там у него просто вода стекала с лица. А теперь его сотрясали рыдания, неудержимые слезы текли из глаз, из носа, изо рта. Он плакал и звал родителей, потому что ему было страшно, он замерз, и очень устал, и очень боялся, и уже не мог притворяться. Но больше всего он плакал из-за того, что знал только он.

Кто-то услышал его в лесу. В свете скрытого костра блеснул острый металл.

Свет умер на западе. Ночь и слезы поглотили остров Народа. Звезда Воды медленно плыла среди облаков, как убийца, бесшумно покидающий место преступления.

Глава 2. Новый мир

Утро было того же цвета, что и ночь, только чуть посветлее. Мау, скрючившемуся среди широких опавших листьев кокосового дерева, казалось, что он совсем не спал; но, должно быть, в какие-то моменты его тело и мозг просто отключались, словно понемногу упражнялись в смерти. Он проснулся – или, может быть, ожил – в мертвенном сером свете, онемевший и замерзший. Волны на берегу едва двигались, море было почти одного цвета с небом, а небо по-прежнему плакало дождем.

Русло речки, стекающей с горы, было забито песком, грязью и обломками ветвей. Мау покопал руками, но вода не шла, а едва сочилась. В конце концов, Мау пришлось слизывать с листьев капли дождя, отдающие пеплом.

В лагуне было месиво из обломков коралла: волна пробила большую брешь в рифе. Отлив сменился приливом, и в дыру вливалась вода. На островке Малый Народ – чуть больше, чем песчаная отмель на краю лагуны, – осталась одна-единственная пальма, измочаленный ствол, на котором, как ни удивительно, еще торчало несколько листьев.

Надо найти еду, воду, укрытие... первое, что следует сделать в незнакомом месте. А это и есть незнакомое место, и он здесь родился.

Мау видел, что деревня исчезла. Волна снесла ее с острова. Несколько пней торчало там, где когда-то стоял длинный дом племени... стоял с незапамятных времен. Волна разнесла риф на куски. Деревню она, видимо, даже не заметила.

Путешествуя с отцом и дядьями, Мау научился читать историю берега. И теперь, глядя вверх, он видел историю волны, записанную обломками скал и деревьев.

Деревня смотрела на юг. Да и как иначе. С трех остальных сторон ее защищали высокие крошащиеся утесы, у подножия которых, в пещерах, грохотало и пенилось море. Волна пришла с юго-востока. Ее след отмечали поломанные деревья.

Все люди собрались на берегу, вокруг большого костра. Услышали ли они рев волны за треском пламени? Поняли ли, что это означает? Если они вовремя спохватились, они могли поспешить вверх, по долине Большой Свины, на склон горы за полями. Но часть волны уже поднималась с ревом по восточному склону (там трава, задержать волну нечем) и снова преградила им путь.

А потом – ревушая мешанина из камней, песка и воды, и людей, должно быть, выбросило в море через западную часть рифа, в глубоководное течение, и там они стали дельфинами.

Но не все. Волна оставила за собой рыбу, грязь и крабов, к радости птиц-окороков, серых ворон и, конечно, птиц-дедушек. Остров в это утро был полон птиц. Птицы, каких Мау никогда не видел, дрались со знакомыми, обыденными.

И люди – запутавшиеся в сломанных ветвях, полузанесенные грязью и листьями, только одна из частей погибшего мира.

Лишь через несколько долгих секунд до Мау дошло: то, что он принял за сломанную ветку, на самом деле рука.

Он медленно огляделся и понял, почему здесь столько птиц и за что они дерутся.

Он побежал. Ноги сами понесли его, и он побежал, выкрикивая имена, вверх по длинному склону, мимо нижних полей, покрытых мусором, мимо верхних плантаций, высоко, куда даже волна не достала, почти до края леса. И там услышал свой собственный голос, отдающийся эхом от утесов.

Никого. Но кто-то же должен быть...

Но они все ждали, ждали того, кто перестал быть мальчиком и еще не стал мужчиной.

Мау подошел к Женской деревне – конечно, мужчинам вход сюда был строжайше запрещен – и рискнул одним глазом заглянуть сквозь изгородь, за которой стояли сады, не тронутые волной. Но здесь ничто не двигалось, и ни один голос не отозвался на его крик.

Они ждали на берегу. Он ясно видел, как они болтают, смеются, пляшут вокруг костра, но серебряной нити не было, и нечем было притянуть их обратно.

Они ждали нового мужчину. Волна, должно быть, обрушилась на них, как молот.

Он пошел обратно к полям, по дороге подобрал отломанную ветку и замахал ею, безуспешно пытаясь отогнать птиц. Чуть выше места, где раньше стояла ныне сровненная с землей деревня, тела валялись повсюду. Их нелегко было заметить – перемешанные с мусором, такие же серые, как пепельная грязь. Ему придется их трогать. Их нужно передвинуть. Скоро с гор спустятся свиньи. Начнут жрать... *Нем!*

За облаками на востоке виднелось что-то яркое. Как это может быть? Неужели еще одна ночь прошла? А разве он спал? Где он был? Но усталость уже полностью овладела им. Он подтащил несколько покрытых листьями ветвей к большой скале, сделал нечто вроде укрытия, заполз под них и почувствовал, как серость грязи, дождя и словно покрытого синяками неба молчаливо заползает в него, заполняет его и смыкается у него над головой.

И Мау приснился сон. Конечно, это был сон. Он почувствовал, что он разделен, стал двумя разными людьми. Один из них – серое тело, слепленное из грязи, – начал искать тела, не унесенные волной. Он делал это очень осторожно и так бережно, как только мог, а другой Мау сидел глубоко внутри первого, скрючившись в комок, и все это ему снилось.

«А кто же я, который это делает? – думал серый Мау. – Кто я теперь? Я уподобился Локахе, я ощупываю черты смерти. В этот день лучше быть Локахой, чем Мау. Потому что вот передо мной тело. Если Мау его увидит, заглянет ему в глаза, он сойдет с ума. Так что я все это сделаю за него. Это лицо Мау видел каждый день на протяжении всей своей жизни, но сейчас он не должен его увидеть».

Так он и работал, а небо тем временем посветлело, и солнце взошло за пышным веером пара, поднимающимся на востоке, и в лесах зазвенели песни птиц, несмотря на морось. Он прочесывал нижние склоны, натывался на очередное тело и волок его или нес – некоторые тела были маленькие, и их можно было нести – вниз, к воде, к тому месту, откуда было видно течение. Здесь обычно водились черепахи, но сегодня их не было.

Он, серая тень, находил камни и большие куски коралла, а они тут валялись в изобилии, и привязывал к телам кусками бумажной лианы. «Теперь надо вытащить нож, – думал серый Мау, – прорезать дырку, чтобы духу было удобно выйти, выволочь тело в волны, где течение уходит под воду, и отпустить».

Спящий Мау предоставил своему телу думать: «Поднимаешь *вот так*, тянешь *вот так*. Бумажную лиану отрезаешь вот так и не кричишь от ужаса, потому что ты – рука, тело и нож, а они даже плакать не умеют. Ты покрыт толстой серой кожей, которая ничего не чувствует. И ничто не может сквозь нее проникнуть. Ничто не может до тебя добраться. Вообще ничто. Сейчас ты отпустишь тело, оно медленно погрузится в темную воду, подальше от птиц, свиней и мух, вырастит новую кожу и станет дельфином».

Среди прочего он нашел двух собак и чуть не сломался на этом. Люди... этот ужас был так велик, что его разум просто отключался, но изуродованные тела собак изуродовали, перевернули его душу. Они были с людьми и тоже радовались, хотя и не знали почему. Он и их завернул в бумажную лиану, привязал груз и отправил по течению. Собаки захотят остаться с людьми, потому что они тоже люди, только по-своему.

А вот что делать с поросенком, он не знал. Поросенок был один. Должно быть, свиноматка умчалась в горные леса – свиньи всегда так делают, когда чувствуют приближение воды. А поросенок за ней не угнался. Желудок говорил, что это пища, но он сказал – нет, только не этот, не эта крохотная обманутая тварь. Он отдал течению и поросенка. Пускай боги разбираются. Он слишком устал.

Время близилось к закату, когда он выволок на пляж последнее тело и уже собирался побрести к течению, но тут его тело сказало ему: «Нет, этому телу туда не надо. Это ты сам, ты очень устал, но еще не мертв. Тебе надо поесть, попить и поспать. А самое главное – постарайся не видеть снов».

Он постоял немного, усваивая эти слова, а потом потащился назад, вверх по берегу, нашел свой на скорую руку сделанный шалаш и упал в него.

Пришел сон, но ничего хорошего с собой не принес. Снова и снова он отыскивал тела и нес их к берегу, потому что они были очень легкие. Они пытались с ним разговаривать, но он их не слышал, потому что слова не проникали через толстую серую кожу. Было во сне и одно странное существо – призрачная девочка, совершенно белая. Она несколько раз пыталась заговорить с ним, но потом блекла и сливалась со сном, как и все остальные. Солнце и луна выписывали пируэты на небе, и он шел по серому миру, единственное движущееся пятно среди покрывал молчания, навеки один.

А потом из серости кто-то позвал.

– МАУ, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

Он огляделся. Местность была странная, какая-то бесцветная. Солнце светило, но при этом было черным.

Когда голоса слышались снова, казалось, что они раздаются отовсюду, словно их приносит ветер.

– СЕЙЧАС НЕ ВРЕМЯ СПАТЬ. ОЧЕНЬ МНОГО ДЕЛ.

– Кто вы такие?

– МЫ – ДЕДУШКИ!

Мау задрожал. Больше он ничего не мог сделать. Ноги не двигались.

– Пришла волна, – сказал он. – Все погибли! Некоторых я отправил в темную воду!

– ТЫ ДОЛЖЕН СПЕТЬ ЗАКЛИНАНИЕ ТЕМНОЙ ВОДЫ.

– Я его не знаю!

– ТЫ ДОЛЖЕН ВОССТАНОВИТЬ ЯКОРЯ БОГОВ.

– Как я это сделаю?

– ТЫ ДОЛЖЕН ПЕТЬ УТРЕННЮЮ ПЕСНЬ И ВЕЧЕРНЮЮ ПЕСНЬ.

– Я не знаю слов! Я не мужчина! – в отчаянии сказал Мау.

– ТЫ ДОЛЖЕН ЗАЩИЩАТЬ НАРОД! ТЫ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ДЕЛАЛОСЬ ВСЕГДА!

– Но, кроме меня, никого нет! Все остальные погибли!

– ВСЕ, ЧЕМ БЫЛ НАРОД, ОСТАЛОСЬ В ТЕБЕ! ПОКА ТЫ ЕСТЬ, НАРОД СУЩЕСТВУЕТ! ПОКА ТЫ ПОМНИШЬ, НАРОД ЖИВЕТ!

Давление воздуха чуточку изменилось, и Дедушки... исчезли.

Мау моргнул и проснулся. Солнце было желтое и уже прошло полпути по небу, а рядом с Мау лежала круглая железная штука, а на ней – кокос с отрезанной верхушкой и манго.

Он уставился на эти дары.

Он был один. Сейчас тут никого больше быть не могло. Некому было оставить еду и бесшумно уйти.

Он посмотрел на песок. Там были отпечатки ног, не очень больших, но без пальцев.

Он очень осторожно встал и огляделся. Он был уверен, что существо, у которого на ногах нет пальцев, следит за ним. Может быть... может быть, его послали Дедушки?

– Спасибо, – сказал он в пустоту.

С ним говорили Дедушки. Он думал об этом, обгрызая мякоть манго с огромной косточки. Он никогда раньше не слышал Дедушек. Но что они от него хотели... разве можно такое требовать от мальчика? Мальчикам не разрешалось даже подходить к пещере Дедушек. Это было строго запрещено.

Правда, мальчишки все равно подходили. Когда Мау было восемь лет, он увязался за старшими мальчиками. Они его не видели – он крался за ними по пятам всю дорогу, сквозь леса на склонах горы, до высокогорных лугов, с которых был виден весь мир. Тут жили птицы-дедушки, которые поэтому так и назывались. Старшие мальчишки сказали Мау, что птицы-дедушки шпионят для Дедушек, и если подойдешь слишком близко к пещере, они спикируют на тебя и выключат тебе глаза. Мау знал, что это неправда, потому что наблюдал за повадками птиц-дедушек. Они не нападали на добычу крупнее мыши, если только поблизости не было пива: боялись, что жертва даст сдачи. Но некоторые люди готовы врать как угодно, лишь бы тебя напугать.

За лугами лежала пещера Дедушек – она располагалась высоко на склоне горы, открытая ветрам и солнечному свету, и оттуда словно наблюдала за всем миром. Дедушки жили за круглой каменной дверью, которую можно было сдвинуть только вдесятером. Человек мог прожить сто лет и лишь несколько раз увидеть, как эту дверь открывают, потому что лишь лучшие из мужчин, лучшие охотники и воины становились Дедушками после смерти.

В тот день, когда Мау увязался за мальчишками, он спрятался в густой листве травяного дерева и стал смотреть, как мальчишки подначивают друг друга подойти поближе, коснуться каменной двери, толкнуть ее... Тут кто-то крикнул: «Слышу!» Мальчишки мгновенно рванули домой, несколько секунд – и они скрылись за деревьями. Мау немножко подождал, но ничего не случилось. Он слез с дерева, подошел к каменной двери и прислушался. Он услышал

слабый, едва уловимый треск, но в этот момент с утеса у него над головой начало тошнить птицу-дедушку (эти твари не просто ели все подряд, они ели все подряд *целиком*, а потом старательно отрыгивали все, что не влезало в глотку, все невкусное и всех, кто просыпался и начинал протестовать). Ничего особенно страшного. Слыханное ли дело, чтобы Дедушки вылезали из пещеры! Этот камень ведь тут не просто так лежит. И *тяжелый* он не без причины. Мау забыл про звук; скорее всего, это какие-нибудь насекомые стрекотали в траве.

В ту ночь, по возвращении в хижину мальчиков, старшие мальчики хвалились перед младшими: рассказывали, как откатали камень в сторону, и как Дедушки повернули им навстречу древние иссохшие лица и попытались встать на крошащиеся ноги, и как мальчики (очень храбро) задвинули громадный камень обратно... в самый последний момент.

А Мау лежал у себя в углу и гадал, сколько раз старшие мальчики рассказывали эту историю за прошедшие сотни лет, чтобы почувствовать себя смельчаками и еще чтобы младшие мальчики видели страшные сны и писались под себя.

Прошло пять лет. Он сидел и вертел в руках серую круглую штуку, на которой раньше лежало манго. Она вроде бы металлическая, но у кого может быть столько металла, что он его тратит на подставки для еды?

На штуке были какие-то знаки, нарисованные полустертой белой краской. Они гласили: «Милая Джуди», но гласили напрасно.

Мау хорошо умел читать *важные* вещи. Он умел читать море, погоду, следы животных, татуировки и ночное небо. В полосках потрескавшейся краски ему читать было нечего. Вот мокрый песок прочитать – много умения не надо. Тварь, у которой на ногах нет пальцев, вышла из нижнего леса и ушла туда же.

Когда-то давно что-то раскололо глыбу острова, и на восточной стороне образовалась низкая длинная долина. Она располагалась не очень высоко над уровнем моря, и земли на ней почти не было. Правда, в ней все равно что-то росло – в любом месте всегда что-нибудь да вырастет.

В нижнем лесу было всегда жарко, сыро и солоно; воздух в нем был застоявшийся, липкий, парной, от которого зудело тело... Мау несколько раз пробирался туда, но там было мало интересного, во всяком случае, на уровне земли. Основные события происходили наверху, в кронах деревьев. Там росли дикие фиги. Но до них могли добраться только птицы. Птицы дрались за лакомые кусочки, отчего на лесную почву непрерывающимся градом сыпались птичий помет и полусъеденные фиги, предоставляя, в свою очередь, пропитание мелким красным крабам, которые сновали по земле и съедали все, что на нее падало. Иногда сюда приходили свиньи – поест крабов, так что в нижний лес стоило иногда заглядывать. Правда, приходилось быть начеку, потому что сюда порой забредали осьминоги-древозлазы, охотясь за птенцами и всем, что попадется. Когда такой осьминог падает тебе на голову, его очень трудно оторвать. Мау знал: главное, чтобы осьминог не принял тебя за кокосовый орех. Этому учишься очень быстро, потому что у древолазных осьминогов острые клювы⁴.

Мау дошел до огромных обломков скалы, лежавших у входа в долину, и остановился.

Здесь что-то вломилось в лес, и это что-то было гораздо большего размера, чем комок птичьего помета или свиньи. Волна не могла такого натворить. Что-то огромное промчалось по лесу. Вдаль уходила полоса сломанных деревьев.

И не только деревьев. Оно оставило за собой сокровища. Камни! Серые круглые, коричневые, черные... хорошие твердые камни на острове очень ценились, потому что из местной хрупкой скальной породы невозможно было сделать приличные орудия.

⁴ Осьминог-древозаз (*Octopus Arbori*) водится на острове Рождающегося Солнца в архипелаге Четвертого Воскресенья Великого Поста. Эти осьминоги – чрезвычайно смелые и хитрые вры. (Прим. автора.)

Но Мау поборол искушение и не стал собирать камни прямо сейчас, потому что камни не убегают, и к тому же тут был мертвец. Он лежал прямо у тропы, словно неведомая тварь отшвырнула его, и весь был покрыт маленькими красными крабами, которым сегодня выпал удачный день.

Мау никогда не видел таких людей, но слышал о них. Бледнокожие люди с севера, которые заворачивают ноги в полотно, так что становятся похожи на птиц-дедушек. Они назывались брючниками и были бледные, как привидения. Этот его не испугал – после вчерашнего дня, память о котором с воем рвалась наружу из-за двери, куда Мау их захлопнул и запер. Это был просто мертвец. Мау его не знал. Человек умер, обычное дело.

Мау не знал также, что ему делать с этим мертвецом, особенно потому, что крабы это очень хорошо знали. Он вполголоса произнес: «Дедушки, что мне делать с брючником?»

Раздался такой звук, словно лес набирал воздуху в грудь, и Дедушки ответили:

– ОН НЕВАЖЕН! ВАЖЕН ТОЛЬКО НАРОД!

Это как-то не очень помогло, и Мау оттащил мертвеца с разбитой тропы поглубже в лес, а маленькие красные крабы решительно последовали за ним. Много лет они довольствовались птичьим пометом и полусъеденными фигами. Они словно говорили: «Да, мы с этим мирились, как положено хорошим крабам, но теперь и на нашей улице праздник».

Дальше у тропы лежал еще один брючник – его тоже уронила неведомая тварь. На этот раз Мау даже не стал задумываться, а просто оттащил его в густой подлесок. Больше он ничего не мог сделать. Он и так в последнее время слишком много ходит по стопам Лоахи. Может быть, крабы доставят душу этого человека обратно в мир брючников, но здесь и сейчас Мау приходится думать о другом.

Что-то вышло из моря на той волне, подумал он. Что-то *большое*. Больше, чем крокодил-парусник⁵, больше военного каноэ, больше... кита? Да, это мог быть большой кит. Почему бы и нет? Волна зашвырнула огромные обломки скал выше деревни, так что и с китом бы запросто справилась. Да, конечно, это был кит – он бился в лесу, ломая огромным хвостом деревья и медленно умирая под собственной тяжестью. Или очень большой морской спрут, или огромная акула.

Мау должен был убедиться. Нужно выяснить точно. Он огляделся и подумал: «Да, но только не в темноте. Не в сумерках». Утром он вернется сюда с оружием. А до утра тварь, может быть, сдохнет.

Он выбрал пару годных в дело камней из следа, оставленного чудовищем, и сбежал.

А в гуще сломанных, перепутанных деревьев в конце тропы что-то рыдало всю ночь.

Мау проснулся рано. На круглой железной штуке больше не было фруктов, но птица-дедушка с надеждой наблюдала за Мау – вдруг он умер. Когда птица увидела, что Мау зашевелился, она вздохнула и вперевалку зашагала прочь.

«Огонь, – подумал Мау. – Надо развести огонь. А для этого нужно трухлявое дерево». Волна превратила его мешочек с трупом в мокрую кашу, но в горном лесу всегда можно найти трухлявое дерево.

Мау хотел есть, но для этого нужен был огонь. Без огня и копья мужчина – не мужчина, разве не так?

Он положил железную штуку на камень, взятый со следа чудовища, и колотил по ней другим камнем, пока не вышла полоса металла. Она довольно легко гнулась, но была очень острая. Отличное начало. Потом Мау принялся оббивать один камень другим. Он трудился,

⁵ Крокодил-парусник (*Crocodylus porosus maritimus*) до сих пор повсеместно встречается в Пелагическом океане. Он преодолевает огромные расстояния по поверхности моря при помощи огромного «паруса» из хрящей и кожи, которым может, до определенной степени, также и рулить. (Прим. автора.)

пока не выдолбил бороздку, чтобы привязать этот камень к палке бумажной лианой. Он также обернул бумажной лианой один конец нового металлического ножа, чтобы получилось что-то вроде рукоятки.

Когда встало солнце, встал и Мау и взял свою новую дубинку и свой новый нож.

Да! Мужчина, может быть, выкинул бы эти жалкие орудия – зато теперь Мау может убивать. А ведь без этого мужчина – не мужчина, правда же?

Птица-дедушка все еще наблюдала за Мау с безопасного расстояния, но, увидев выражение его лица, торопливо заковыляла прочь и тяжело поднялась в воздух.

Мау направлялся в горный лес, а солнце пекло все сильнее. Он стал вспоминать, когда последний раз ел. Он съел манго, но когда это было? Вспоминать было трудно. Остров Мальчиков отделился и во времени, и в пространстве. Он исчез. Все исчезло. Народ исчез. Люди, хижины, каноэ – все стерто с лица земли. Они остались только у Мау в голове, как сны, спрятанные за серой стеной...

Он попытался остановить эту мысль, но серая стена треснула, и оттуда вырвались весь ужас, вся смерть, вся тьма. Они наполнили голову Мау и с жужжанием полезли наружу, словно рой насекомых. Все зрелища, которые он от себя прятал, все звуки и запахи ползли и рвались из памяти.

И вдруг ему все стало ясно. Остров, полный людей, не может умереть. А мальчик – может. Да, вот оно что! Теперь все понятно! Это *он* умер! А его дух вернулся домой, но не может выглянуть из своего призрачного мира. Он – призрак, да! Его тело осталось на острове Мальчиков! И волны на самом деле не было, это просто Локаха за ним приходил. Все встало на свои места. Он умер на суше, некому было отпустить его в темную воду, и он стал призраком, блуждающей тварью, а люди были повсюду, вокруг него – в стране живых.

Мау решил, что это не так уж плохо. Самое плохое уже случилось. Он не увидит больше свою семью, потому что люди вешают вокруг хижин ловушки для духов, но, по крайней мере, он знает, что его родные живы.

Окружающий мир набрал воздуха в грудь.

– ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ЗАМЕНИЛ ЯКОРЯ БОГОВ? ПОЧЕМУ ТЫ НЕ СПЕЛ ПЕСНОПЕНИЯ? ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВОССТАНОВИЛ НАРОД?

Ложбина, где живут птицы-дедушки, поплыла у Мау перед глазами.

– Дедушки, я умер.

– УМЕР? ЕРУНДА. ТЫ НЕДОСТАТОЧНО ХОРОШ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ!

Горячая боль пронзила левую ногу Мау. Он перекатился на бок и заорал. Птица-дедушка, которая тоже решила, что он умер, и потому клюнула его в ногу для проверки, торопливо поскакала прочь. Правда, не ушла далеко – видимо, надеялась, что он вдруг все-таки умрет. По опыту птицы-дедушки, рано или поздно все умирают, главное – дожидаться.

«Ну хорошо, я не умер, – подумал Мау, заставляя себя встать. – Я просто смертельно устал». Сон, полный темных сновидений, – вовсе не сон; все равно что еда из пепла. Нужны огонь и настоящая еда. Все знают, что дурные сны приходят от голода. Мау не хотел, чтобы эти сны опять пришли. Ему снилась темная вода, и в этой воде кто-то за ним гонялся.

Поля занесло песком и грязью, но, что гораздо хуже, волна сломала колючие изгороди, и свиньи явно рылись в полях всю ночь, пока Мау томился в плену собственных снов. Наверное, если рыться в грязи достаточно долго, можно найти то, что они не доели, но мужчина не ест там, где ела свинья.

На острове было много дикорастущей еды: плоды вверх ногами, злополучный корень, стебли маллы, звездчатое дерево, орехи бумажной лианы... Выжить можно, но большую часть этой еды приходится жевать очень долго, а вкус у нее такой, словно ее до тебя уже кто-то ел. Мужчинам полагается есть рыбу или свинину, но вода в лагуне была до сих пор мутная, а свиней Мау после своего возвращения еще ни разу не видел. Они тоже хитрые. Охотнику-оди-

ночке может повезти, если свинья забредет ночью в нижний лес полакомиться крабами, но, чтобы поймать свинью в горном лесу, нужно много охотников.

Войдя в лес, Мау сразу увидел следы. Свиньи всегда оставляли следы. Правда, эти были свежие, так что Мау порылся в земле, чтобы понять, что искали свиньи, и нашел безумные клубни – большие, белые, сочные. Должно быть, свиньи так нажрались на полях, что рылись в земле только по привычке, и у них в желудках не хватило места даже для одного клубня. Но безумные клубни можно есть только жареными. Если есть их сырыми, сойдешь с ума. Свиньи ели их сырыми, но свиньям, наверное, все равно – сойдут они с ума или нет. Они даже не заметят разницы.

Сухой трухлявой древесины нигде не было. Гнилые ветки валялись повсюду, но они промокли до самой сердцевины. «Кроме того, – думал Мау, нанизывая клубни на кусок бумажной лианы, – я еще не нашел ни огненных камней, ни нормального сухого дерева на огненные палочки».

Дедушка Науи, который не ходил в походы, потому что у него была кривая нога, иногда брал мальчиков с собой в лес – читать следы и охотиться. Он часто говорил про куст бумажной лианы. Эти кусты росли повсюду, их длинные листья были ужасно крепкие, даже когда высыхали до треска. «Возьми продольную полоску бумажной лианы – нужно двое мужчин, чтобы ее разорвать. А сплетишь пять полосок в веревку – и сто человек не разорвут ее. Чем больше они тянут, тем сильнее сплетается веревка и тем крепче она становится. Это Народ».

Мальчишки за глаза смеялись над Науи, над его валкой походкой и не обращали внимания на его рассказы. Разве может хромоногий знать что-то важное? Но они старались не смеяться старику в лицо. Он всегда слегка улыбался, и при взгляде на него становилось ясно, что он про тебя много знает – ты и не догадываешься, как много.

Мау старался не смеяться над Науи, потому что Науи ему нравился. Старик наблюдал за полетом птиц и всегда знал, какое место самое лучшее для рыбалки. Еще он знал волшебные слова, которыми можно отогнать акулу. Но его, когда он умер, не высушили тщательно в песке и не отнесли в пещеру Дедушек, потому что он родился с плохой ногой, а значит, боги его проклинали. Науи мог по виду вьюрка определить, на каком острове тот родился; он наблюдал, как пауки плетут паутину, и видел то, чего другие не замечали. Мау думал об этом и недоумевал: зачем какому-то богу понадобилось проклинать такого человека? Он ведь родился с такой ногой. Чем мог новорожденный младенец прогневить богов?

Как-то раз Мау набрался храбрости и спросил. Науи сидел на камнях и строгал что-то, время от времени поглядывая на море. Он взглянул на Мау, давая понять, что не возражает против его общества.

Выслушав вопрос, старик расхохотался.

– Мальчик, это подарок, а не проклятие, – сказал он. – Когда многое утеряно, что-то да вернется. Раз у меня никуда не годная нога, мне пришлось обзавестись умной головой! Я не могу гоняться за добычей, поэтому я научился наблюдать и ждать. Я делюсь с вами, мальчишками, своими секретами, а вы надо мной смеетесь. Скажи, я хоть раз возвращался с охоты с пустыми руками? Я думаю, что боги посмотрели на меня и сказали: «Он у нас умник, а? Давайте искривим ему одну ногу, тогда он не сможет быть воином и ему придется сидеть дома с женщинами». Можешь мне поверить, мальчик, это очень завидная судьба. И я благодарю богов.

Мау был в ужасе. Ведь каждый мальчик мечтает стать воином, правда же?

– Ты *не хотел* быть воином?!

– Нет, никогда. Женщине нужно девять месяцев, чтобы сделать нового человека. Зачем портить ее труды?

– Но ведь тогда тебя после смерти не положат в пещеру и ты не сможешь вечно наблюдать за нами!

– Ха! Я на вас уже насмотрелся. Я люблю свежий воздух, знаешь ли. Стану дельфином, как все. Буду наблюдать коловращение небес и гоняться за акулами. А еще я думаю, что, поскольку все великие воины будут заперты в пещере, самок дельфинов будет намного больше, чем самцов, и эта мысль мне приятна.

Он подался вперед и заглянул в глаза Мау.

– Мау, – сказал он. – Да, я тебя помню. Ты всегда плетешься в хвосте. Но я вижу, ты умеешь думать. Очень немногие люди думают, то есть *на самом деле* думают. Большинство только думают, что думают. И когда мальчишки смеялись над старым Науи, ты не хотел смеяться вместе с ними. Но все равно смеялся, чтобы быть как все. Я прав, да?

Как он заметил? Но отрицать нет смысла, особенно когда светлые глаза видят тебя насквозь.

– Да. Прости меня, пожалуйста.

– Молодец. А теперь, раз я ответил на твои вопросы, ты мне кое-что должен.

– Ты хочешь, чтобы я сбегал и что-нибудь принес? Или я могу...

– Я хочу, чтобы ты для меня кое-что запомнил. Ты слыхал, что я знаю заклинание, отгоняющее акул?

– Люди так говорят, но они над этим смеются.

– О да. Но оно работает. Я пробовал три раза. Первый – когда открыл это заклинание, в тот раз, когда акула собиралась откусить мне здоровую ногу; потом попробовал с плота, чтобы проверить – может, в первый раз мне просто повезло. А потом как-то раз я поплыл в море с рифа и отогнал акулу-молот.

– Ты что, специально *искал* акулу? – спросил Мау.

– Да. И нашел. Довольно большую, насколько я помню.

– Но она могла тебя съесть!

– О, я и с копьём неплохо управляюсь, а мне нужно было выяснить правду, – ухмыльнулся Науи. – Например, кто-то должен был первым съесть устрицу. Посмотреть на половинку раковины, полную соплей, и набраться храбрости.

– Но почему не все знают?

Постоянная улыбка Науи слегка увяла.

– Я ведь странноватый, разве не так? И жрецы меня не очень любят. Если бы я всем рассказал и кто-нибудь погиб, боюсь, мне плохо пришлось бы. Но кто-то должен знать. А ты – мальчик, задающий вопросы. Только не пользуйся этим заклинанием, пока я жив, хорошо? Конечно, кроме тех случаев, когда тебя соберется съесть акула.

И в тот день, на скалах, пока закат рисовал красную дорожку поперек моря, Мау научился акульему заклинанию.

– Это трюк! – воскликнул он, не подумав.

– Потихе, – прикрикнул Науи, оглянувшись на берег. – Конечно, это трюк. Построить каноэ – это тоже трюк. Бросить копьё – трюк. Вся жизнь – трюк, и у тебя не будет другого шанса ему научиться. Теперь ты знаешь еще один трюк. Если когда-нибудь он спасет тебе жизнь, поймай большую рыбу и брось первому встречному дельфину. Если повезет, это буду я!

А теперь от старика и его ноги осталось одно воспоминание, как и от всех остальных людей, которых Мау когда-либо знал. Это давило такой тяжестью, что Мау хотелось кричать. Мир опустел.

Он посмотрел на свои руки. Он сделал дубинку. Орудие? Зачем? Почему с орудием он чувствует себя лучше? Но он должен выжить. Да! Если он умрет, получится, как будто Народ никогда не существовал. Островом завладеют птицы-дедушки и красные крабы. Некому будет даже сказать, что когда-то здесь кто-то был.

Над головой захлопали крылья. Птица-дедушка приземлилась в косматую крону травяного дерева. Мау это знал, хотя и не мог видеть через сплетение лиан: птицы-дедушки были

очень неуклюжи и не опускались, а медленно плюхались на землю. Птица запрыгала вокруг дерева, ворчливо повторяя «наб-наб», потом раздался знакомый звук отрывания, и дождь мелких косточек обрушился на лесную почву.

Дерево затряслось – это птица-дедушка опять взлетела. Она вылетела на открытое пространство, увидела Мау, решила понаблюдать за ним на случай, если он вздумает умереть, и тяжело приземлилась на сук дерева, едва заметный в сплетении лиан-душителей.

Секунду мальчик и птица смотрели друг на друга.

Сук треснул.

Птица-дедушка хрипло крикнула, взлетела раньше, чем гнилое дерево ударилось о землю, и исчезла в подлеске, хлопая крыльями и оскорбленно вопя. Мау не обратил внимания. Он смотрел на облачко тонкой желтой пыли, поднимающееся над упавшим суком. Это была мелкая, как пыль, труха, которая получается, когда из-за термитов и гнили в ветке мертвого дерева образуется полость. А эта ветка была высоко над землей и не намокла. Труха походила на пыльцу. Для разведения костра лучше не придумашь.

Мау отломил от сука самый большой кусок, какой только мог унести, и пошел с горы вниз.

Свиньи опять рылись на полях, но некогда было их отгонять. «Одно волокно бумажной лианы скоро порвется, – думал он, – а пять сплетенных вместе – крепки. Это нужно знать, и это правда. Беда в том, что я – одно-единственное волокно».

Он остановился. Он пошел обратно другой тропой, покруче, которая вела в дере... к месту, где раньше была деревня. Волна и здесь прокатилась через остров. Деревья были поломаны, и воняло водорослями. Но по ту сторону поломанных деревьев был утес, нависавший над нижним лесом.

Мау осторожно запрягал клубни и трухлявый сук в гущу травы и стал пробираться через путаницу лиан и ветвей на краю утеса. На утес нетрудно было залезть, и слезть по нему нетрудно – Мау это и раньше проделывал. Камень оброс огромным количеством корней, лиан и ползучих растений, а почва и старые птичьи гнезда становились пищей для любого принесенного ветром семечка. Утес больше напоминал вертикально стоящий луг, заросший цветами. Бумажные лианы тут тоже росли. Бумажные лианы росли везде. Мау срезал кусок, чтобы сделать петлю на запястье для своей дубинки, и пробормотал запоздалые слова благодарности Женщине – Бумажной Лиане за ее прочные, надежные волосы.

Затем он протиснулся к краю утеса и отодвинул в сторону кучу орхидей.

Внизу стелился туман, но след, пропаханный чудовищем в лесу, был хорошо виден – белый шрам в полмили длиной. Он кончился у группы фиговых деревьев, которые росли в самой высокой части нижнего леса. Деревья были огромны. Мау их хорошо знал. Стволы опирались на огромные комли, которые, казалось, уходили вниз к самым корням мира. Они останавливали бы что угодно. Но Мау не видел, что именно они остановили – мешали испарения и распростершиеся кроны.

Зато он услышал голос. Очень слабый. Он доносился откуда-то снизу. Это было немножко похоже на пение, но не очень. На слух Мау оно звучало как «на, на, на».

Но это был человеческий голос. Может, еще один брючник? Голос был писклявый. А бывают женщины-брючники? А может, это призрак? Там теперь, должно быть, куча призраков.

Времени было чуть за полдень. Если это призрак, он сейчас очень слаб. Мау – Народ. Он должен что-то сделать.

Он полез вниз по утесу. Это было достаточно просто, несмотря даже на то, что ему приходилось соблюдать тишину, хотя птицы все время вспархивали вокруг. Он дрожал. Он не умеет плести ловушки для призраков. Это женская работа.

Звуки, похожие на пение, продолжались. Может, это и правда какой-то призрак. Птицы так орали, что любой живой человек, конечно же, сделал бы перерыв и пошел бы посмотреть, что там такое.

Ноги Мау коснулись мешанины из каменной крошки и древесных корней, устилавшей землю в нижнем лесу. Мау бесшумно заскользил среди деревьев, с которых капало.

– На, на, на – звяк! На, на, на – звяк!

Похоже на удары металла. Мау схватил дубинку обеими руками.

– ...в смятении даруешь покой... – звяк!

– ...на море гибнущих в борьбе... – звяк!

– ...услышь взывающих к Тебе... – бряк!

– ...черт!

Мау выплянул из-за комля гигантского фигового дерева.

Зрелище было необыкновенное.

Тут действительно что-то разбилось, но оно было не живое. Что-то вроде гигантского каноэ. Оно застряло между двумя древесными стволами, заваленное интересными обломками, которые стоили того, чтобы их исследовать – только сейчас было некогда. В боку зияла большая дырка, это из нее выпали камни. Но это все был фон. Гораздо ближе к Мау, с ужасом глядя на него, стояла девочка. Во всяком случае, он решил, что это девочка. Конечно, она была такая бледная, что вполне могла оказаться призраком.

И брючником. Брюки были белые и пышные, как покрытые перышками ноги птицы-дедушки. Кроме этого на девочке было что-то вроде юбки, сейчас подоткнутой у пояса. Волосы блестели на солнце. Она плакала.

Еще она пыталась копать землю какой-то странной штукой вроде плоского копья, блестящей, как металл. Очень глупо: лесная почва – сплошные корни и камни, и рядом с девочкой уже лежала кучка камней. И еще что-то лежало – большой сверток. «Должно быть, я слишком долго ходил по стопам Лоахи, – подумал Мау, – потому что я знаю: там мертвец. А эта призрачная девочка являлась мне в кошмарах».

Я не один.

Девочка уронила плоское копье и быстро подняла какой-то другой предмет, тоже сверкавший металлическим блеском.

– Я... я умею этим пользоваться! – очень громко закричала она. – Только сделай шаг, и я нажму на спуск, обещаю!

Металлическая штука плясала у нее в руках.

– Не думай, что я тебя боюсь! Я не боюсь! Я тебя раньше могла убить! Я тебя пожалела, но это не значит, что тебе можно сюда приходить! Скоро мой папа за мной приедет!

Похоже, она очень волнуется. Мау решил, что она хочет отдать ему эту металлическую штуку. Девочка так держала ее двумя руками и так махала ею, что становилось ясно: она этой штуки страшно боится.

Он протянул руку. Девочка завизжала, отвернулась, что-то щелкнуло, из одного конца металлической штуки вылетел фонтан искр, а из другого конца очень медленно выкатился маленький круглый шарик и упал в грязь, девочке под ноги. Мау с благоговейным ужасом понял, что у нее на ногах какие-то... штуки; они выглядели как черные стручки, и на них *не было пальцев*.

Девочка смотрела на него круглыми от ужаса глазами.

Мау осторожно забрал металлическую вещь, а девочка отскочила к борту каноэ и прижалась к нему, как будто это Мау был призраком.

Металл вонял горько и омерзительно, но это было неважно. Эта штука делает искры. А Мау знал, зачем нужны искры.

– Благодарю тебя за дар огня, – произнес он, подобрал свой топор и обратился в бегство, пока девчонка не сделала с ним чего-нибудь ужасного.

На пляже, среди мешанины обломков Мау склонился над своей работой. Трухлявый сук был только началом. Кроме этого Мау прочесал лес в поисках сухих веточек и коры. Их всегда можно было найти, даже после сильного дождя, и Мау аккуратно рассортировал добычу на маленькие кучки – от травы до довольно толстых веток. Он сложил кучку из скомканной сухой коры бумажной лианы, добавил древесной трухи и очень осторожно взял в руки вещь, которая делала искры.

Если оттянуть назад вот этот кусок металла с верхней стороны, пока он не щелкнет, а потом потянуть за кусок металла снизу и позаботиться, чтобы пальцы не оказались на пути – во всяком случае, во второй раз, – тогда что-то вроде металлического когтя царапает темный камень, расположенный в глубине металлической штуки, и рождаются искры.

Он попробовал еще раз, держа делатель искр почти вплотную к кучке трухи, и задержал дыхание: несколько искр упало на тонкую пыль, оставив черные следы.

Мау подул на кучку, прикрыл ее ладонями, и к небу поднялась тонкая струйка дыма. Мау продолжал дуть, и на свет с треском родился язычок пламени.

Началось самое трудное. Мау осторожно подбрасывал в огонек топлива, подкармливая его травой и корой и ожидая, когда огонь будет готов к первой ветке. Каждое движение было продуманным, потому что огонь очень легко спугнуть. Только когда пламя уже трещало, шипело и плевалось, Мау рискнул положить в него первую тонкую веточку. На миг он испугался, что огонь вот-вот подавится ею, но языки пламени тут же взмыли опять и вскоре запросили еще. Ну, в топливе недостатка не было. Поломанные деревья валялись повсюду. Мау подтащил их к огню, и когда вода из них выкипала, они вспыхивали одно за другим. Мау подкинул еще дерева, в воздух полетели искры и пар. Тени скакали и плясали на песке, и пока огонь горел, он создавал ощущение жизни.

Через некоторое время Мау выкопал ямку на краю костра, закопал безумные клубни, так, чтобы они только-только покрылись песком, и нагреб сверху пылающих углей.

Потом он лег у костра. Когда он в последний раз сидел у костра здесь, дома? Воспоминания вернулись, захлестнули его, и Мау не успел их остановить. Это было, когда он в последний раз ел как мальчик, вместе со всей семьей, а по традициям Народа вся семья – почти то же самое, что весь Народ. Мау ел в последний раз, потому что следующий раз он поест на острове Мальчиков, уже как мужчина, который больше не живет в хижине для мальчиков, а спит в доме для неженатых мужчин. Он ел мало – был слишком возбужден. И испуган тоже, потому что в голове у него только начала укладываться мысль: все происходящее касается не только его, но и его семьи. Если он вернется готовый к татуировкам, положенным мужчине, и, конечно, к... тому, что делают ножом, и при этом нельзя кричать, это будет торжество и его семьи тоже. Это будет означать, что его правильно воспитывали и он научился, Чему Положено.

Костер потрескивал, дым и пар поднимались вверх, в темноту, и Мау увидел в свете огня своих родных: они наблюдали за ним и улыбались ему. Он закрыл глаза и постарался отогнать толпу воспоминаний.

Отправил ли он в темные воды кого-то из своих родных, когда шел по стопам Лоахи? Может быть. Но этих воспоминаний у него не было. Он лежал, скрюченный в сером теле Лоахи-Мау, пока часть его передвигалась туда и обратно, делая то, что нужно, отпуская мертвецов в море, чтобы они стали дельфинами, а не пищей для свиней. Надо было спеть погребальную песню, но его никто не научил словам, так что он просто выпрямлял руки и ноги тел, насколько мог. Может быть, он видел их лица, но та часть его, что видела, умерла. Он попробовал вспомнить лицо своей матери, но ничего не видел перед собой, кроме темной воды. Зато он слышал голос матери – она пела песню про бога огня и про то, как Женщине – Бумажной

Лиане надоело, что бог огня преследует ее дочерей, и она связала его огромными жгутами лианы; младшая сестра Мау на этом месте всегда смеялась и начинала гоняться за ним со жгутами... Но волна прошла по душе Мау, и он очень обрадовался, что она смыла это яркое воспоминание.

Он чувствовал, что у него внутри дырка чернее и глубже темного течения. Все исчезли. Все было не на своих местах. Он был здесь, на безлюдном берегу, и ему ничего не шло на ум, кроме глупых детских вопросов... Почему все кончается? А как все начинается? Почему хорошие люди умирают? Чем занимаются боги?

Это было трудно, потому что мужчинам в числе прочего Положено не задавать глупых вопросов.

И вот маленький синий краб-отшельник вылез из своей раковины и бежит по песку, ища новую, но ее нигде не видно. Бесплодный песок простирается во все стороны, и остается только бежать...

Мау открыл глаза. Остались только он и девчонка-призрак. Настоящая ли она? А сам-то он настоящий? Интересно, это глупый вопрос или нет?

Сквозь песок просочился запах клубней. Желудок подсказал Мау, что, по крайней мере, еда настоящая, и Мау обжег пальцы, выкапывая клубни из песка. Один подождет до завтра. Второй клубень Мау разломал пополам и погрузил лицо в пышную, хрустящую, горячую, ароматную мякоть. И уснул с набитым ртом, а тени все водили хороводы вокруг костра.

Глава 3. Тропическая лихорадка

Во тьме, в останках «Милой Джуди» вспыхнула спичка. После некоторого звяканья и скрежета зажглась наконец и лампа. Лампа была цела, но приходилось экономить керосин, потому что запасов керосина не нашлось. Скорее всего, они были в самом низу. Кажется, абсолютно *все* было в самом низу. Хорошо, что она успела обернуться матрасом до того, как «Милая Джуди» поплыла через лес. Она по гроб жизни не забудет треск и вопли. Она слышала, как расселся корпус корабля и треснули мачты, а потом услышала тишину, и это было хуже всего.

Она выбралась наружу, в парное утро, полное птичьих песен. Большая часть «Джуди» была раскидана по тропе за спиной, а в голове билось одно: «Тропическая лихорадка».

Это такое особенное безумие, которое нападает на человека в жару. Про эту болезнь ей рассказал первый помощник Кокс – наверное, хотел напугать. Это на него похоже. «Моряки заболевают тропической лихорадкой, если на море слишком долго царит штиль, – сказал Кокс. – Тогда они смотрят за борт и видят не океан, а прохладные зеленые поля. Моряки прыгают в эти поля и тонут». Первый помощник Кокс рассказывал, что видел, как взрослые люди этакое проделывали. Спрыгнут на поросший ромашками луг и утонут, или, как выражался Кокс, утопнут. Небось сам их сталкивал.

Вот и она спрыгивает с борта корабля прямо в зеленые джунгли. Это было в чем-то противоположно безумию. Она была совершенно уверена, что она в своем уме, это мир сошел с ума. На тропе валялись мертвые тела. Ей и раньше приходилось видеть покойников, когда ее дядя сломал шею на охоте, и еще был тот ужасный случай с хлебоуборочной машиной. Она убедилась, что Кокчика среди этих мертвецов нету, и устыдилась своей радости. Она быстро прочитала молитву над усопшими, побежала назад на корабль, и там ее стошнило.

Среди хаоса, царившего в некогда аккуратной каюте, она нашла свой ящичек с письменными принадлежностями. Примостила его на коленях, открыла, вытащила одну из приглачительных карточек с золотым обрезаем, полученных на день рождения, и задумчиво устала на нее. Согласно книге о правилах хорошего тона (тоже подарок на день рождения), если девушка приглашает молодого человека в гости, при этом должна присутствовать дуэнья, а ей некого было попросить – разве что бедного капитана Робертса. Он настоящий капитан, а это чего-нибудь да стоит, но, к несчастью, он мертв. С другой стороны, в книге не сказано, что дуэнья обязательно должна быть живая – сказано только, что она должна присутствовать. Как бы там ни было, за койкой до сих пор спрятан острый мачете. С тех пор как на борту появился первый помощник Кокс, путешествие стало не слишком приятным.

Она посмотрела на покрытый одеялом предмет в углу. Под одеялом кто-то бормотал, не переставая. Нельзя снимать одеяло, а то он опять начнет ругаться. Некоторые из этих слов уважаемая молодая особа даже знать не должна. Впрочем, слова, значения которых она не знала, беспокоили ее еще больше.

Она знала, что несправедливо обошлась с мальчиком. Нельзя стрелять в людей, особенно если вы друг другу не представлены, а ведь порох оказался мокрым только волей Провидения. Она просто ударила в панику, а ведь мальчик так тяжело работал, хороня этих несчастных в море. Но, по крайней мере, ее отец жив, он будет ее искать и найдет, хотя на островах Четвертого Воскресенья Великого Поста ему придется обыскать больше восьмисот мест.

Она обмакнула перо в чернила, вычеркнула адрес в верхней части карточки: «Правительственная резиденция, Порт-Мерсия» и аккуратно вписала пониже: «Развалины “Милой Джуди”».

Пришлось внести и другие изменения. Создатель этих карточек явно не предполагал возможности приглашать в гости человека, имени которого ты не знаешь, который живет на пляже, практически не одет и почти наверняка не умеет читать. Но она постаралась заполнить обе стороны карточки⁶, а потом подписалась: «Эрминтруда Фэншоу (достопочтенная мисс)» и сразу пожалела об этом, особенно насчет Эрминруды.

Потом надела большой клеенчатый плащ, принадлежавший бедному капитану Робертсу, засунула в карман последнее манго, взяла саблю, сняла с крюка лампу и вышла в ночь.

Мау проснулся. В голове раздавались вопли Дедушек. Костер превратился в алую светящуюся кучу.

– ВОССТАНОВИ ЯКОРЯ БОГОВ! КТО ОХРАНЯЕТ НАРОД? ГДЕ НАШЕ ПИВО?

«Не знаю, – подумал Мау, глядя на небо. – Пиво делали женщины. Я не умею его делать».

Он же не может пойти в Женскую деревню. Он уже там был – заглядывал, хотя мужчинам туда нельзя, а женщинам нельзя в долину Дедушек. Случись такое, это был бы конец всему, настолько эти правила важны.

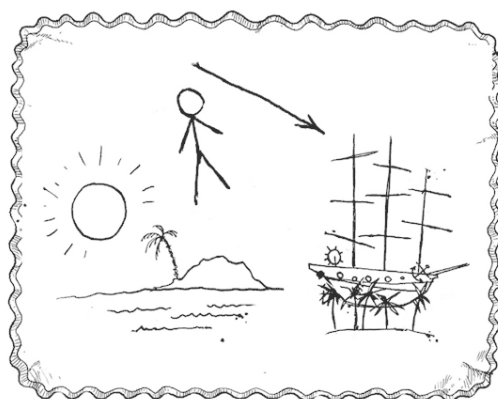
Мау моргнул. Все уже и так кончилось, куда же больше? Людей больше нет, так какие могут быть правила? Правила же не могут сами по себе плавать в воздухе!

⁶ В графе «Одежда» она написала: «Да, будьте добры». (Прим. автора.)

Он встал и заметил золотой блеск. В обломок дерева был всунут белый прямоугольник, а на песке опять отпечатались ступни без пальцев. Рядом с обломком дерева лежало очередное манго.

Она тут ходит украдкой, пока я сплю!

На белом прямоугольнике были бессмысленные значки, зато на обратной стороне – картинки. Мау знал, что такое послания, и разгадать это послание оказалось нетрудно.

«Когда солнце будет как раз над последним деревом, оставшимся на островке Малый Народ, ты должен бросить копье в большое разбитое каное», – произнес он вслух. В этом не было никакого смысла, и в призрачной девчонке – тоже. Но она дала ему штуку, которая делает искры, хоть и очень боялась. Он тоже боялся. Что полагается делать с девчонками? Мальчикам следует держаться от них подальше, но он слышал, что мужчины получают на этот счет другие инструкции.

А что до Дедушек и якорей богов, их он вообще не видел. Это были большие камни, но волне оказалось все равно. Знают ли боги? Может, их тоже смыло? Это слишком сложные вопросы, о них трудно думать. Пиво проще, но ненамного.

Пиво делали женщины, и Мау знал, что перед пещерой Дедушек стоит большая чаша, куда ежедневно возливается жертвенное пиво. Он это знал, просто хранил этот факт у себя в голове, но теперь у него начали возникать вопросы. Зачем мертвым пиво? Ведь оно... протечет насквозь? А если не они его пьют, то кто? И не будет ли у него неприятностей просто за то, что такие вопросы приходят ему в голову?

Неприятностей – от кого?

Он вспомнил, как ходил в Женскую деревню, когда был совсем маленький. Лет с семи или с восьми его там уже не привечали. Женщины отгоняли его или прекращали свои занятия и сверлили его взглядом, дожидаясь, чтобы он ушел. Особенно старухи. Они умели так посмотреть, что тебе страшно хотелось очутиться где-нибудь в другом месте. Один старший мальчик сказал ему, что старухи знают волшебные слова, от которых у мальчика может отвалиться набабука. После этого Мау держался подальше от Женской деревни, и она стала для него как луна: он знал, где она, но даже не думал о том, чтобы там оказаться.

Ну что же, старух больше нет. Мау об этом пожалел. Теперь он может делать что угодно, и его никто не остановит. Об этом он тоже пожалел.

Тропа к Женской деревне ответвлялась от тропы, ведущей в лес, шла под гору к юго-востоку и вниз, к узкому руслу, проточенному дождями. В конце тропы стояли два больших камня, выше человеческого роста, заляпанные красной краской. Это был единственный вход – тогда, когда еще существовали правила. Мау отодвинул куст терновника у входа и пролез внутрь.

Вот она, деревня, круглая чаша долины, наполненная солнечным светом. Плотнo стоящие деревья загораживали ее от ветра, а кусты терна и можжевельника, растущие между ними, сплелись так тесно, что в долину никто не проник бы – разве что змея. Сегодня у долины был такой вид, словно она уснула. Мау слышал море, но словно где-то очень далеко. Журчал ручеек, который стекал тоненькой струйкой со скалы с одной стороны чаши, наполнял углубление, служившее местом для купания, и терялся среди садов.

Народ растил главный урожай на большом поле. Там можно было найти ахаро, табор, бумеранговый горох и черную кукурузу. Там мужчины растили то, без чего нельзя было жить.

В садах Женской деревни женщины растили то, что делало жизнь приятной, сносной и более продолжительной: пряности, фрукты, жевательные корни. Женщины умели сделать так, чтобы зерна и овощи были крупнее или вкуснее. Женщины выкапывали или выменивали растения и приносили сюда. Они знали секреты семян, стручков и всякого такого. Здесь они выращивали розовые бананы, необыкновенные овощные бананы и ямс, в том числе прыгучий ямс. Еще они растили здесь лекарственные растения. И детей.

Там и сям по краям садов были разбросаны хижины. Мау осторожно приближался к ним. Ему становилось все больше не по себе. Кто-нибудь должен был бы закричать на него, какая-нибудь старуха должна была бы указать на него пальцем и начать бормотать заклинания, а он должен бы сейчас бежать отсюда со всех ног, прикрывая пах ладонями, сложенными ковшиком, – так, на всякий случай. Все, что угодно, было бы лучше этого пустого, солнечного безмолвия.

«Значит, правила никуда не делись, – подумал он. – Я принес их с собой. Они у меня в голове».

В некоторых хижинах стояли корзины, и связки корней свисали с потолка, подальше от любопытных пальчиков. Это были корни маниоки. Про них дети узнавали очень рано. Из этих корней выходило самое лучшее пиво, а кроме того, они могли убить человека на месте. А секретным ингредиентом, определяющим результат, была песенка, которую знали все.

В хижине у ручья Мау нашел то, что искал. Целый чан рубленых корней. Они тихо шипели и пузырились сами по себе, накрытые охапкой пальмовых листьев. Острый запах, от которого кололо в носу, наполнял хижину.

Сколько пьют покойники? Мау набрал калebas. Должно хватить. Он наливал очень осторожно, так как пиво на этой стадии крайне опасно, и, закончив, помчался прочь, пока призраки его не поймали.

Он добежал до долины Дедушек, даже не очень много разлив по дороге, и вывернул содержимое калebasа в большую каменную чашу перед закрытой камнем пещерой. На искривленных узловатых деревьях сидели две птицы-дедушки и сторожко наблюдали за ним.

Он плюнул в чашу, и пиво словно закипело. Большие желтые пузыри поднимались на поверхность и лопались.

Он запел. Простую песенку про четырех братьев, сыновей Воздуха, которые в один прекрасный день решили обежать наперегонки вокруг огромного брюха своего отца, чтобы решить, кто из них будет ухаживать за женщиной, живущей на Луне. Потом в песенке рассказывалось о подвохах, которые братья устраивали друг другу, чтобы прибежать первыми. Эту песенку даже младенцы знали. Все ее знали. И почему-то она обращала яд в пиво. Честное слово.

Пиво пенилось в чаше. Мау следил за большим круглым камнем – так, на всякий случай, но Дедушки, наверное, умели пить пиво прямо из мира духов.

Он пропел всю песню, стараясь не пропустить ни одного куплета, особенно того, который получался очень смешным, если делать правильные жесты. К тому времени, когда он закончил, пиво стало прозрачным, и золотые пузырьки поднимались на поверхность. Мау отхлебнул,

чтобы проверить. Сердце не остановилось после первого же удара, а это значило, что пиво, скорее всего, в порядке.

Он отступил на несколько шагов и сказал, обращаясь к открытому небу:

– Дедушки, вот ваше пиво!

Ничего не случилось. Конечно, нехорошо так думать, но они могли бы и «спасибо» сказать.

Потом мир втянул воздух и выдохнул слова:

– ТЫ НЕ СПЕЛ ЗАКЛИНАНИЕ!

– Я спел песню! Это хорошее пиво!

– МЫ ГОВОРИМ ПРО ЗАКЛИНАНИЕ, СОЗЫВАЮЩЕЕ НАС К ПИВУ!!!

Еще пара птиц-дедушек плюхнулась на близстоящие деревья.

– Я даже не знал, что такое существует!

– ТЫ ЛЕНИВЫЙ МАЛЬЧИШКА!

Мау схватился за эти слова.

– Вот именно! Я еще мальчик! Некому меня научить! Вы можете...

– ТЫ ИСПРАВИЛ ЯКОРЯ БОГОВ?

И голоса умолкли, остались только вздохи ветра.

Пиво с виду хорошее. Зачем ему заклинание? Мать Мау варила хорошее пиво, и люди сами приходили.

На край пивной чаши, хлопая крыльями, приземлилась птица-дедушка и окинула Мау взглядом, говорившим: «Если ты собираешься умирать, то поторопись. А если нет, то иди отсюда».

Мау пожал плечами и пошел прочь. Но спрятался за дерево, а уж прятаться он умел. Может, большой круглый камень и правда откатится?

Прошло совсем немного времени, и к каменной чаше слетелось еще несколько птиц-дедушек. Они некоторое время ссорились, а потом, прерываясь время от времени на очередную короткую стычку, принялись серьезно пьянствовать, качаясь взад-вперед (потому что именно так двигаются птицы, когда пьют), потом – качаясь назад и вперед, и еще дальше вперед, и часто падая (потому что именно так передвигаются птицы, когда выпьют свежего пива). Одна птица поднялась в воздух и задом наперед улетела в кусты.

Мау в раздумьях пошел обратно на пляж, остановившись по дороге, чтобы вырезать в лесу копьё. На берегу он заострил копьё и обжег острие на огне для прочности, время от времени поглядывая на солнце.

Все это он делал медленно, потому что голова его заполнялась вопросами. Они вылезали из черной дырки у него внутри так быстро, что трудно было думать отчетливо. Скоро ему придется встретиться с призрачной девчонкой. Это будет... непросто.

Он опять посмотрел на белый прямоугольник. Блестящий металл по краю был мягкий и бесполезный, и его легко было соскрести. Что же до картинки – а вдруг это какое-то колдовство или амулет вроде голубой бусины? Что толку бросать копьё в большое каное? Это же не добыча, его не убьешь. Но призрачная девчонка была единственным, кроме Мау, человеком на острове, и, что ни говори, она дала ему штуку, которая делает искры. Эта штука ему больше не нужна, но все равно это замечательная вещь.

Когда солнце приблизилось к островку Малого Народа, Мау прошел по пляжу и вошел в нижний лес.

Даже по запаху можно было определить, что тут все растет изо всех сил. Обычно здесь царил полутьма, но большое каное оставило широкий след, и дневной свет лился на клочки земли, которые не видели его веками. Шла борьба за место под солнцем. Новые зеленые ростки яростно тянулись к небу, разворачивались петельки стеблей, лопались семена. Лес отвечал на

прошедшую по нему волну своей собственной, зеленой волной: через полгода никто даже не догадается, что тут произошло.

Мау замедлил шаг при виде разбитого большого каноэ, но там никто не двигался. Нужно быть чрезвычайно осторожным. Ошибиться очень легко.

Ошибиться очень легко.

Она ненавидела имя Эрминтруда. Точнее, ненавидела «труду». «Эрмин» звучало совсем неплохо. Труд тоже неплохое имя, но бабушка сказала, что оно звучит «легкодоступно», не объяснив, что это значит, и запретила ей так себя называть. Даже Гертруда – и то лучше. Конечно, в нем все еще остается «труда», но одну из принцесс королевского дома звали Гертрудой, и газеты называли ее принцессой Герти, а девушка с таким именем, наверное, получает хоть какое-то удовольствие от жизни.

«А вот Эрминтруда, – думала она, – как раз подходящее имя для девушки, способной пригласить молодого человека на чай и все испортить». Угольная печка по-прежнему дымила, мука, из которой Эрминтруда пыталась испечь кексы, ужасно пахла из-задохлого омара, которого держали в бочонке. И еще у нее было стойкое ощущение, что мука не должна двигаться сама по себе. Эрминтруде удалось открыть последнюю жестянку «Патентованного вечного молока доктора Паундбери», на которой было написано, что молоко и через год сохранит тот же вкус, что и в день, когда его законсервировали. Это была, по всей видимости, правда. К сожалению. Молоко пахло так, как будто в нем утонули мыши.

Если бы только ее учили как следует! Если бы кто-нибудь потратил хотя бы полдня, чтобы обучить ее разным полезным вещам на случай, если ее когда-нибудь выбросит на необитаемый остров! Ведь это с кем угодно может случиться! Даже пара советов по выпечке оказалась бы нелишней. Но нет, бабушка утверждала, что настоящая леди не должна поднимать ничего тяжелее зонтика, и, уж, конечно, нога ее не должна ступать в кухню – за исключением случаев, когда нужно приготовить «экономичный благотворительный суп для достойных бедняков», а бабушка считала, что достойных бедняков не так уж и много.

– Никогда не забывай, – повторяла бабушка (чересчур часто), – стоит всего ста тридцати восьми людям умереть, и твой отец станет королем! А значит, в один прекрасный день ты можешь стать королевой!

Это говорилось с таким выражением лица, словно бабушка сама планировала все сто тридцать восемь убийств. Даже при поверхностном знакомстве с ней становилось ясно, что она вполне способна их организовать. Конечно, это были бы очень вежливые убийства. Никаких крайностей с кинжалами и пистолетами. Все будет элегантно и тактично. В одном месте камень или кирпич упадет со свода особняка... в другом – кто-то поскользнется на обледенелой поверхности крепостной стены в родовом замке... Подозрительное бланманже на дворцовом банкете (ведь мышьяк так легко перепутать с сахаром!) поможет избавиться сразу от нескольких человек... Наверное, бабушка все же не зашла бы так далеко. Но она все равно жила в надежде и готовила внучку к роли королевы, то есть следила, чтобы ее ни в коем случае не учили ничему хоть сколько-нибудь полезному.

И вот теперь она с этим дурацким именем пытается приготовить пятичасовой чай в развалинах кораблекрушения посреди джунглей! Ну почему такая возможность никому не пришла в голову?

И к тому же молодой человек был из тех, кого бабушка звала дикарями. Но он был совсем не дикий. Она смотрела, как он хоронил всех этих людей в море. Он очень бережно поднимал их – даже собак. Он это делал совсем не так, как выбрасывают мусор. Ему было не все равно. Он плакал настоящими слезами, но ее не видел, даже когда она вставала прямо перед ним. Только один раз он попытался разглядеть ее сквозь слезы, но потом обошел ее и продолжил свою работу. Он работал так осторожно и нежно – трудно было поверить, что он дикарь.

Она вспомнила, как первый помощник капитана Кокс стрелял в обезьян из пистолета, когда «Джуди» встала на якорь в дельте реки в Керамическом море. Он хохотал каждый раз, когда бурое тельце падало в воду – особенно если зверек был еще жив, когда до него добирались крокодилы.

Она закричала, чтобы он перестал, а он расхохотался, и капитан Робертс пришел из рулевой рубки, и был ужасный скандал, и с тех пор дела на «Милой Джуди» пошли совсем плохо. Но как раз перед тем, как Эрминтруда отправилась в свое кругосветное путешествие, в газетах много писали про мистера Дарвина и его новую теорию, что далеким предком людей было существо, похожее на обезьяну. Эрминтруда не знала, правда ли это, но в глазах первого помощника Кокса она видела нечто ужасное. На такое никакая обезьяна неспособна.

Тут в треснутое стекло иллюминатора ударило копьё, просвистело сквозь каюту и вылетело в иллюминатор напротив, стекло которого было выбито волной.

Эрминтруда застыла: сначала от испуга, а затем – потому что вспомнила совет отца. В одном из писем он написал ей, что, поселившись с ним в правительственной резиденции, она станет его «первой леди», и ей придется знакомиться с самыми разными людьми. Поведение некоторых поначалу может показаться ей странным, и, может быть, она даже поймет его совершенно превратно. Поэтому она должна быть великодушной и многое прощать людям.

Очень хорошо. Значит, мальчик уже пришел. А что ему было делать по прибытии? Даже на неразбитом корабле не найти дверного звонка. Может быть, то, что он бросил копьё, означает: «Смотри, я бросил копьё! Я не вооружен!»? Да, наверное, так и есть. Это совсем как рукопожатие – ведь оно тоже означает, что у человека нет меча. «Ну что ж, – подумала она, – хорошо, что эта маленькая загадка разъяснилась».

Она выдохнула впервые с того момента, как копьё просвистело через каюту.

Стоящий снаружи Мау уже начал подозревать что-то неладное, но тут раздались деревянные звуки, и из бока большого каноэ показалась голова призрачной девочки.

– Как это мило, что вы так пунктуальны, – произнесла она, силясь улыбнуться. – Большое спасибо, что разбили окно, – в каюте было очень душно!

Он ничего не понял, но она почти улыбалась, и это было хорошо. Еще она хотела, чтобы он залез в разбитое каноэ. Он очень осторожно повиновался. «Милая Джуди» накренилась, когда волна бросила ее на землю, поэтому внутри все было тоже наклонено и перекошено.

Внутри царил чудовищный беспорядок – словно отдельные беспорядки перепутались между собою. Воняло грязью и застоявшейся водой. Но девочка провела Мау в другое помещение, где, судя по всему, пытались прибраться, хотя и безуспешно.

– Боюсь, что стулья все полопались, – сказала девочка. – Но я полагаю, что сундук бедного капитана Робертса окажется подходящей заменой.

Мау, который сроду не сидел ни на чем, кроме земли, осторожно примостился на деревянном ящике.

– Я подумала, нам стоит познакомиться поближе, поскольку мы друг другу не представлены, – сказала призрачная девочка. – К сожалению, тот факт, что мы друг друга не понимаем, несколько усложняет дело...

Пока она произносила всю эту тарабарщину, Мау смотрел на огонь в маленькой пещерке. Из круглой черной трубы выходил пар. Рядом с ней была круглая плоская штука, на которой лежали бледные штуки, похожие на хлеб. «Это Женская деревня, – подумал Мау, – а я не знаю правил. Нужно быть очень осторожным. Она может сделать со мной *что угодно*».

– ...и масло прогоркло. Но совсем зеленую муку я выбросила. Не хотите ли чаю? Я полагаю, вы пьете без молока?

Он посмотрел на бурую жидкость, которую девочка налила в бело-синюю чашку. Мау пристально смотрел на питье, а девочка говорила все быстрее и быстрее. «Откуда мне знать,

что правильно и что нет? – думал он. – Какие правила годятся, когда сидишь наедине с девочкой-призраком?»

На острове Мальчиков он был не один. Конечно, там никого, кроме него, не было, но он чувствовал, что его окружает Народ. Он делал то, что Положено. А сейчас? Как ему Положено поступать? Дедушки только орали на него, жаловались, помыкали им, но не слушали.

И ни серебряную нить, ни картину будущего он никак не мог найти. Картины больше не было. Были только он и эта девочка, и никаких правил, которые помогли бы сразиться с подстерегающей впереди тьмой.

Девочка сняла с огня хлебные штуки и положила на другую круглую металлическую штуку, которую Мау постарался примостить у себя на коленях.

– Большинство тарелок побилось при крушении, – грустно сказала девочка. – Две чашки чудом уцелели. Не хотите ли кекс?

Она показала на хлебные штуки.

Мау взял одну. Она была горячая (это хорошо), но, с другой стороны, вкусом напоминала подгнившее дерево.

Девочка с беспокойством следила, как он передвигает кусок во рту, думая, куда его деть.

– Я все неправильно сделала, да? – спросила она. – Я так и думала, что мука чересчур отсырела. Бедный капитан Робертс держал в бочонке омара, чтобы он ел мучных червей, но я уверена, что он что-то напутал. Простите. Я не обижусь, если вы это выплюнете.

И заплакала.

Мау не понял ни слова, но иногда слова не нужны. Она плачет, потому что хлеб получился ужасный. Не надо, чтобы она плакала. Он проглотил кусок и откусил другой. Она уставилась на него и шмыгнула носом, словно думала, перестать ей плакать или еще рано.

– Очень хорошая еда, – сказал Мау.

Он с усилием проглотил кусок и прямо-таки почувствовал, как тот ударился о дно желудка. Мау откусил еще хлеба.

Девочка вытерла глаза тряпкой.

– Очень хороший хлеб, – сказал Мау, стараясь отвлечься от вкуса протухшего омара.

– Простите, я вас не понимаю, – сказала она. – О боже! Я еще и кольца для салфеток забыла положить. Представляю, что вы обо мне подумали...

– Я не знаю слов, которые ты произносишь, – ответил Мау.

Воцарилось долгое, беспомощное молчание. Мау почувствовал, что два комка плохого, ужасного хлеба сидят у него в желудке и замышляют побег. Он стал глотать кислую горячую жидкость, чтобы их утопить. Тут он осознал, что в углу каюты кто-то тихо бормочет. Там стояло... что-то непонятное, прикрытое большим одеялом. Казалось, под одеялом кто-то вполголоса гневно беседует сам с собой.

– Я очень рада, что мне есть с кем поговорить, – громко сказала девочка. – Я смотрю, как вы ходите по острову, и мне уже не так одиноко.

Мучным комкам, сидящим в желудке Мау, коричневое питье явно не понравилось. Он сидел неподвижно, стараясь удержать их на месте.

Девочка испуганно посмотрела на него и сказала:

– Меня зовут... мм... Дафна.

Кашлянула и добавила:

– Да, именно Дафна.

Она показала на себя и протянула ему руку.

– Дафна, – сказала она еще громче. Ну что ж, это имя ей всегда нравилось.

Мау послушно посмотрел на ее руку, но в ладони ничего не было. Так, значит, она из клана Дафна? На островах самое важное, что можно сказать о человеке, – имя его рода. Мау никогда не слышал про такое место, но ведь говорят, что все острова узнать невозможно. Неко-

торые островки победнее в прилив просто исчезали, и хижины там строились так, чтобы оставаться на плаву. Теперь этих островков, должно быть, уже нет... Так сколько их всего осталось? Неужели весь мир смыло?

Девочка-призрак встала и прошла по наклонной палубе к двери. Мау решил, что это хороший знак. Если повезет, ему больше не придется жевать дерево.

– Вы бы не могли помочь мне с бедным капитаном Робертсом? – спросила она.

Она явно хочет, чтобы он вышел на воздух. Мау быстро встал. Плохой хлеб просился наружу, а от запаха очага у Мау разболелась голова.

Он поднялся, шатаясь, и вышел на свежий послеполуденный воздух. Девочка стояла на земле, у большого серого свертка, который Мау видел вчера. Она беспомощно посмотрела на Мау.

– Бедный капитан Робертс, – сказала она и тронула свертки ногой.

Мау оттянул плотную ткань и увидел тело старого брючника с бородой. Тот лежал на спине, глаза смотрели в пустоту. Мау оттянул ткань дальше и увидел, что руки мертвеца сжимают большой деревянный круг, из которого по краю торчат штуки, похожие на деревянные шипы.

– Он привязал себя к штурвалу, чтобы его не смыло, – сказала девочка, стоя у Мау за спиной. – Я перерезала веревки, но его бедные руки не разжались, поэтому я нашла молоток и выбила ось штурвала. Я так старалась его похоронить, но земля очень жесткая, и я не могу в одиночку поднять тело. Я уверена, что он не возражал бы против погребения в море, – закончила она на одном дыхании.

Мау вздохнул. «Она же знает, что я ее не понимаю, но продолжает говорить. Я понял, она хочет, чтобы я похоронил тело. Интересно, сколько времени ей понадобилось, чтобы процарапать в скальной породе эту жалкую ямку. Но она потерялась, она далеко от дома, и я тоже».

– Я могу послать его в темную воду, – сказал он.

Он изобразил волны голосом и рукой. Девочка сначала вроде бы испугалась, но потом засмеялась и захлопала в ладоши.

– Да! Да! Море! Правильно! Ш-ш-ш, вш-ш-ш! Море!

Человек с деревянным кругом был очень тяжелый, но Мау обнаружил, что ткань плотная и можно прекрасно тащить тело волоком по следу, устланному раздавленной зеленью. Девочка помогала ему в трудных местах – во всяком случае, пыталась, а когда они достигли пляжа, серый свертки легко заскользил по сырому песку, но волочь его к западному концу пляжа оказалось делом долгим и утомительным. В конце концов, Мау затащил капитана в воду у самого края рифа, где глубина была по пояс.

Мау заглянул в мертвые глаза, смотрящие прямо вперед, и задумался: что они увидят в темном течении? Увидят ли вообще что-нибудь? *И видит ли кто-нибудь что-нибудь?*

Этот вопрос поразил его, словно его огрели по голове дубинкой. Разве можно такое думать?

«Когда-то мы были дельфинами, а Имо сделал нас людьми! Это же правда? Да почему сам этот вопрос пришел мне в голову? А если это неправда, значит, нет ничего, кроме темной воды, и нет ничего, что было бы чем-то...»

Он прервал ход этой мысли, пока она не зашла слишком уж далеко и не утащила его за собой. Девочка из клана Дафна смотрела на него. Сейчас не время для колебаний и неуверенности. Он скрутил в жгут волокна бумажной лианы и привязал к бедному капитану Робертсу с его кругом камни и обломки коралла.

Намокшая, бумажная лиана только сильнее затягивается и не гниет годами. Куда бы ни направлялся бедный капитан Робертс, там он и останется. Если, конечно, не превратится в дельфина. Мау быстро сделал надрез, чтобы выпустить дух капитана.

Девочка, сидя на камнях за спиной Мау, запела. На этот раз песня не звучала как «на, на, на». Послушав, как девочка разговаривает, Мау почему-то стал лучше различать ее голос. Наверное, в том, что она произносит, есть какие-то слова, хотя для Мау в них не было никакого смысла. Но он подумал: «Это брючниковское песнопение для мертвых. Значит, брючники в чем-то похожи на нас! Но если Имо сделал и их тоже, почему они совсем другие?»

Капитан уже почти ушел под воду, но штурвала из рук не выпустил. Мау зажал в руке последний камень и толкнул плавающее тело капитана вперед, все время нащупывая пальцами ног край скального уступа. Еще он чувствовал под собой холод глубин.

Там было течение. Никто не знал, откуда оно приходит, хотя люди рассказывали истории про землю на юге, где вода падает в виде перьев. Но все знали, куда оно уходит. Это можно было увидеть своими глазами. Оно превращалось в Сверкающую тропу, звездную реку, текущую по ночному небу. Говорили, что раз в тысячу лет Локаха выбирает среди мертвых тех, кто должен отправиться в совершенный мир, и они поднимаются по этой тропе, а остальных посылают обратно, чтобы те стали дельфинами, пока не придет их время родиться заново.

«Как это происходит? – подумал Мау. – Как вода превращается в звезды? Как мертвый человек становится живым дельфином? Но это ведь детские вопросы, правда? Которые нельзя задавать? Эти вопросы – глупые или неправильные, а тем, кто слишком много спрашивает «почему?», отвечают, что так уж устроен мир, и дают побольше работы по хозяйству».

Над капитаном прошла небольшая волна. Мау привязал к штурвалу последний камень, капитан неторопливо ушел под воду, и Мау подтолкнул его в течение.

На поверхность всплыло несколько пузырьков, и капитан очень медленно скрылся из виду.

Мау только собирался отвернуться, как увидел: что-то поднимается из воды. Оно выскочило на поверхность и лениво перевернулось. Это была капитанская шляпа. Она наполнилась водой и опять начала тонуть.

За спиной Мау раздался всплеск, и девочка из клана Дафна, барахтаясь, проплыла мимо. Белое платье развевалось вокруг нее, как огромная медуза.

– Нельзя, чтобы она опять утонула! – закричала девочка. – Он хочет оставить шляпу тебе! Она рванулась вперед, схватила шляпу, победно замахала ею... и ушла под воду.

Мау ждал, пока она опять покажется на поверхности, но виднелись только пузырьки.

Да неужели на свете есть хотя бы один человек, который не умеет...

Его тело среагировало само. Он пошарил в воде, схватил самый большой кусок коралла, попавшийся на глаза, и нырнул в темную глубину.

Вон внизу бедный капитан Робертс медленно погружается навстречу вечности. Мау пронесся мимо в шлейфе серебряных пузырьков.

Дальше вниз были еще пузыри, и бледное пятно, исчезающее там, куда уже не достигает солнечный свет.

«Только не она, – подумал Мау изо всех сил. – Не сейчас. Никто не уходит во тьму живым. Я служил тебе, Локаха. Я ходил по твоим стопам. Ты мне должен – ее. Одну жизнь, из темноты обратно на свет!»

И голос ответил из мрака: *«Я не припомню, Мау, чтобы у нас с тобой был договор. Или сделка, или завет, или обещание. Есть то, что бывает, и то, чего не бывает. Нет никакого “должен”».*

Вот он уже путается в медузе ее юбок. Мау отпустил камень, и тот продолжил свой путь в темноту. Мау нашел лицо девочки, вдул воздух из своих разрывающихся легких в ее, увидел, как широко открылись ее глаза, и заработал ногами, стремясь вверх и таща девочку за собой.

Прошла целая вечность. Он чувствовал, как длинные, холодные пальцы Локахи тянут его за ноги, сжимают легкие. Свет, совершенно точно, начал меркнуть, шум воды в ушах стал похож на шепот. *«Может, проще остановиться? Соскользнуть обратно во тьму, отдаться*

течению? Кончатся все печали, сотрутся все плохие воспоминания. Нужно только отпустить ее и...» Нет! Эта мысль возродила гнев, а гнев пробудил в нем силу.

Мелькнула тень, и Мау пришлось посторониться – это медленно погружающийся капитан прошел мимо в последнее свое плавание.

Но свет не приближался, вообще не приближался. Ноги были словно каменные. Все тело жгло. Вот она, серебряная линия, она опять вернулась к Мау, она влекла его вперед, к картине того, что могло быть...

...и вдруг он ощутил под ногами камни. Он забил ногами; голова вырвалась на воздух. Ноги опять коснулись скалы, и свет ослепил его.

Все, что было дальше, он наблюдал изнутри себя – как он вытаскивал девочку на скалы, переворачивал ее вниз головой и хлопал по спине, пока она не начала выкашливать воду. Потом помчался по песку, чтобы уложить девочку у костра. Там она вытошнила еще немного воды и застонала. Только тогда мозг Мау объяснил его телу, что оно предельно измучено, и позволил ему упасть навзничь на песок.

Мау умудрился вовремя повернуться на бок, чтобы выблевать остатки ужасного хлеба, и устался на свою рвоту. «Не бывает», – подумал он, и эти слова стали выражением его торжества и победы.

– Не бывает, – сказал он, и эти слова, разрастаясь, подняли его на ноги. – Не бывает! – заорал он, обращаясь к небу. – *Не бывает!!!*

Раздался тихий звук, и Мау посмотрел вниз. Девочка дрожала на песке. Мау встал на колени рядом с ней и взял ее за руку, в которой до сих пор была зажата капитанская шляпа. Даже в тепле костра кожа у девочки была белая и холодная, как прикосновение Лоахи.

– Обманщик! Я ее вытащил! – закричал Мау. – Не бывает!

Он помчался по песку, а потом – по тропе, ведущей в нижний лес. Он бежал по тропе из сломанных деревьев, и красные крабы бросались врассыпную. Он добежал до большого каное и влез по борту наверх. Тут было... да, вот оно – большое одеяло в углу. Мау схватил его и потащил, но что-то вцепилось в другой конец одеяла. Он потянул сильнее, и что-то рухнуло на палубу и затрещало, разлетаясь на куски.

Голос сказал:

– Ва-а-ак! Робертс ужасный пьяница! Покажи нам панталончики!

В конце концов, одеяло слетело. На полу остались разбитая деревянная клетка и очень сердитая серая птица. Птица уставилась на Мау.

– Ва-а-ак! Блаженны кроткие, крестить мой лысый череп!

Мау не мог сейчас отвлекаться на птиц, но у этой в глазах был опасный блеск. Она как будто требовала ответа.

– Не бывает! – крикнул Мау и выбежал из каюты с одеялом, хлопающим на ветру.

Он уже пробежал половину тропы, когда над головой захлопали крылья и раздался противный крик:

– Не бывает!

Мау даже головы не поднял. Слишком уж причудливым стал этот мир. Мау добежал до костра и закутал девочку одеялом как можно плотнее. Через некоторое время она перестала дрожать и, кажется, заснула.

– Не бывает! – завопила птица с сломанного дерева.

Мау моргнул. Он понял! Он и раньше понимал, но сам не понимал, что понимает.

Конечно, многие птицы могут выучить по несколько слов, например серая ворона и желтые попугайчики-неразлучники, но их очень трудно понять. А эта птица словно сама понимает, что говорит.

– Эй ты, кислomorдый старый горшок, где моя жарка? – произнесла птица, резво прыгая вверх-вниз. – Жрать давай, старый ханжа!

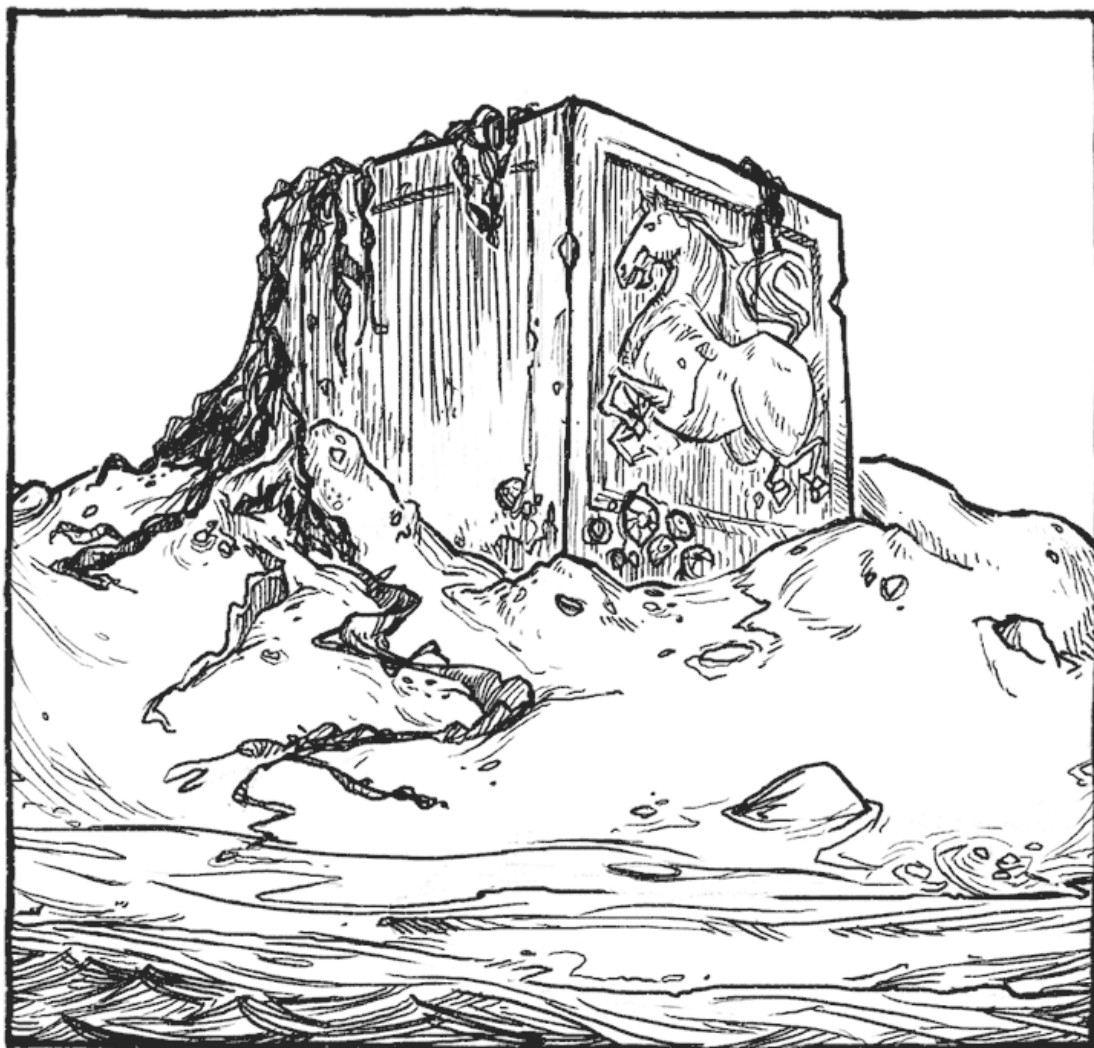
Вот *это* точно было похоже на речь брючников.

Солнце клонилось к закату, но пока стояло на ладонь выше моря. Очень много всего случилось за короткий срок, который мог показаться вечностью тому, кто пережил его.

Мау посмотрел на спящую девочку. Одного «не бывает» недостаточно. Локахе доверять нельзя. Теперь Мау нужно думать еще и про «да не будет». Смерть не будет тут править.

Он нашел копье и простоял на посту до утра.

Глава 4. Сделки, заветы и обещания

Эрминтруда слыхала, что когда человек тонет, вся жизнь проходит у него перед глазами.

На самом деле это происходит, если *не* утонуть окончательно. Жизнь словно начинается сначала и проносится вихрем перед глазами: от первого до последнего сознательного мгновения. По большей части картины расплывчаты, но в каждой жизни есть важные моменты, а они тем красочнее, чем дольше их вспоминают.

В ее жизни один такой момент был связан с картой. В каждой жизни должна быть карта.

Карта. О да, карта. Эрминтруда нашла ее однажды сырым зимним днем в большом атласе в библиотеке. Через неделю она уже могла бы нарисовать эту карту по памяти.

Карта называлась «Великий Южный Пелагический океан».

Синее море занимало полмира. Оно было прошито рядами мелких стежков, крохотных точек, которые папа называл цепями островов. Островов были сотни, тысячи. Он сказал, что на многих из них поместится только пальма. Он сказал, что по закону на каждом островке должна быть по меньшей мере одна кокосовая пальма, чтобы потерпевшие кораблекрушение могли хотя бы укрыться от солнца⁷. И нарисовал картинку: Эрминтруда в белом платье и с зонтиком

⁷ Одинокая пальма (*Cocos nucifera solitaria*) распространена в большей части Пелагического океана. Ее единственная особенность в том, что корни взрослого дерева выделяют яд, смертельный для других пальм. Поэтому на островках поменьше довольно часто растет только одна такая пальма. Следовательно, тысячи существующих карикатур совершенно верны с ботанической точки зрения.

от солнца сидит в тени кокосовой пальмы. Но тут же быстро добавил на карандашной линии горизонта корабль, идущий на помощь.

Гораздо позже Эрминтруда научилась читать имена архипелагов: острова Государственного Выходного Дня, острова Дня Всех Святых, острова Шестого Воскресенья После Пасхи, острова Четвертого Воскресенья Великого Поста, острова Сочельника... Такое ощущение, что Великий Южный Пелагический океан открывали не с компасом и секстаном, а с календарем.

Папа сказал: если знать, где искать, можно найти остров Дня Рождения Миссис Этель Дж. Банди, – и вручил Эрминтруде большую лупу. Эрминтруда провела не одно воскресенье, множество длинных послеполуденных часов, лежа на животе, тщательно исследуя цепочки крохотных точек одну за другой. В конце концов, она заключила, что остров Дня Рождения Миссис Этель Дж. Банди относится к разряду «папиных шуток» – не очень смешных, но умилительных своей нелепостью. Зато благодаря папе Эрминтруда выучила наизусть все островные цепочки Великого Южного Пелагического океана.

У нее тут же появилась мечта: пожить на острове, затерянном в море и таком маленьком, что непонятно даже, то ли это остров, то ли муха посидела на карте.

Но это еще не все. На задней обложке атласа была карта звездного неба. На следующий день рождения Эрминтруда попросила телескоп. Мама тогда была еще жива и предложила подарить ей пони, но папа рассмеялся и купил замечательный телескоп. Папа сказал: «Конечно, она должна смотреть на звезды! Если девочка не может найти на небе созвездие Ориона, она просто невнимательна!» А когда Эрминтруда начала задавать папе сложные вопросы, он стал водить ее на лекции Королевского общества. Оказалось, что девятилетняя девочка со светлыми кудряшками, знающая, что такое прецессия равноденствий, может задавать знаменитым ученым с огромными бородами какие угодно вопросы. Кому нужен пони, если можно заполнить целую Вселенную? Вселенная гораздо интереснее, и к тому же за ней не нужно еженедельно выгребать навоз.

– Ну что ж, мы неплохо провели время, – сказал как-то папа, когда они возвращались с очередного собрания.

– Да, папа. Я думаю, что доктор Агассис привел очень убедительные доводы в пользу теории ледникового периода. И еще мне нужен телескоп побольше, а то я не увижу Большое Красное Пятно у Юпитера.

– Ну посмотрим, – ответил папа, безуспешно пытаясь принять тон дипломатичного родителя. – Но, пожалуйста, не говори бабушке, что ты пожимала руку мистеру Дарвину. Она думает, что он сам дьявол.

– Ух ты! А он... правда?..

Девочку страшно заинтересовала эта новость.

– Честно сказать, – ответил отец, – я считаю, что он величайший из всех ученых, которые когда-либо жили на свете.

– Больше Ньютона? Нет, папа, я не согласна. Многие его идеи высказали до него другие люди, в том числе его собственный дедушка!

– Ага! Ты опять рылась в моей библиотеке! Ну что ж, но ведь и Ньютон говорил, что стоял на плечах великанов.

– Да, но... я думаю, он это сказал только из скромности!

И они спорили всю дорогу домой.

Это была игра. Папа очень любил, когда Эрминтруда собирала нужные факты и прижимала его к стенке каким-нибудь железным аргументом. Папа верил в рациональное мышление и научные методы исследований и потому ни разу не смог выиграть в споре с собствен-

ной матерью, которая твердо верила, что все должны ее беспрекословно слушаться, – верила с незыблемостью, о которую разбивались все попытки возражать.

По правде сказать, в самом посещении лекций уже было что-то запретное. Бабушка возражала против лекций, утверждая, что «от них девочка лишится покоя, и у нее начнут появляться идеи». Она была права. Правда, идей у Эрминтруды уже и без того было много, но ведь еще парочка никогда не помешает...

Тут картинки жизни замелькали еще быстрее, чтобы проскочить темные годы. Эрминтруды вспоминала эти годы только при звуках младенческого плача, да еще видела в ночных кошмарах. Поток жизни перескочил вперед, на тот день, когда Эрминтруда впервые узнала, что своими глазами увидит острова под новыми звездами...

Мама к тому времени уже умерла, а это означало, что жизнью в их особняке стала полностью заправлять бабушка. И у отца, тихого, работающего человека, недоставало силы духа, чтобы ей противостоять. Замечательный телескоп заперли в чулан, потому что «хорошо воспитанной юной девушке не пристало глядеть на луны Юпитера, ведь его домашний уклад разительно отличался от домашнего уклада нашего дорогого короля!». Папа очень терпеливо объяснил, что между римским богом Юпитером и Юпитером – самой большой планетой Солнечной системы – разница по меньшей мере в тридцать шесть миллионов миль. Но это не помогло. Бабушка даже слушать не стала. Она никого не слушала. Выходов было два: либо смириться с этим, либо треснуть ее по голове боевым топором. А на это папа был неспособен, даже несмотря на то, что один его предок когда-то сделал нечто совершенно ужасное с герцогом Норфолкским раскаленной докрасна кочергой.

Визиты в Королевское общество были запрещены, так как ученые оказались всего лишь людьми, которые задают глупые вопросы. И конец делу. Папа пришел извиняться перед Эрминтрудой, и это было ужасно.

Но Вселенную можно исследовать разными способами...

Тихая девочка, живущая в большом доме, может, если очень постарается, оказаться невидимкой, находясь прямо на глазах у людей. Просто удивительно, чего только не подслушаешь, когда, как хорошая девочка, помогаешь кухарке вырезать фигуры из раскатанного теста. В кухню вечно заглядывали на чашку чая то мальчишки-рассыльные, то работники из их деревенского имения, да и кухаркины подружки забегали поболтать. Главное было – заплетать косички с ленточками да беспечно ходить вприпрыжку. Такая маскировка действовала безотказно.

Только не на бабушку, к сожалению. Едва взяв бразды правления в свои руки, бабушка запретила визиты на нижний этаж.

– Детей должно быть видно, но не должно быть видно, что они слушают! – сказала она. – А ну прочь! Быстро!

И конец делу. Эрми... Дафна проводила большую часть времени у себя в комнате за вышиванием. Шитье – при условии, что результат шитья не будет иметь практического применения, – принадлежало к разряду немногих занятий, дозволенных девочке, которая «в один прекрасный день собирается стать настоящей леди». Во всяком случае, так утверждала бабушка.

Надо сказать, что Дафна занималась отнюдь не только шитьем. Главное – она обнаружила старый кухонный лифт, подъемник для еды. Он остался с тех пор, как в нынешней комнате Дафны жила ее двоюродная прабабушка, которой подавали еду прямо в комнату из кухни, расположенной пятью этажами ниже. Подробностей этой истории Дафна не знала, но, насколько удалось выяснить, когда-то, на двадцать первом дне рождения двоюродной прабабушки, ей улыбнулся молодой человек. Она немедленно слегла в чахотке и тихо чахла в постели, пока наконец не зачахла совсем в возрасте восьмидесяти шести лет. Очевидно, ее тело просто умерло от скуки.

С тех пор кухонным лифтом официально не пользовались. Дафна, однако, обнаружила, что, если выломать несколько досок и смазать кое-какие шестеренки, его вполне можно передвигать, подтягивая вверх-вниз на блоках, и подслушивать происходящее в нескольких комнатах. Лифт стал чем-то вроде звукового телескопа для исследования солнечной системы дома, который вращался вокруг бабушки.

Эрминтруда хорошенько помыла лифт, а потом помыла его еще раз, потому что... фу... раз уж горничные не желали таскать на пятый этаж подносы с едой, тем более они не собирались таскать с пятого этажа вниз кое-что другое – например, ночную вазу.

Это было очень интересно и познавательно. Она слушала ничего не подозревающий большой дом, но понимать, что именно в нем происходит, было трудно – как будто вывернули на пол большую головоломку, дали тебе пять кусочков и предложили по ним догадаться, что нарисовано на всей картине.

И вот однажды, подслушивая двух горничных, обсуждавших конюха Альберта и то, какой он гадкий (они явно не слишком осуждали это его качество, и у Эрминруды появилась уверенность, что оно имеет мало отношения к усердию, с которым он ходил за лошадьми), она услышала спор в столовой. Голос бабушки резал ухо, как алмаз стекло, но отец говорил спокойно и ровно, как всегда, когда сильно гневался и не осмеливался это показать. Она подтянула лифт поближе, чтобы лучше слышать, и поняла, что они спорят уже довольно давно.

– ...и каннибалы сварят тебя в котле! – Голос бабушки нельзя было перепутать ни с чьим другим.

– Матушка, каннибалы обычно жарят свою добычу на вертеле, а не варят.

А этот тихий голос, несомненно, принадлежал отцу. В разговорах с собственной матерью у него всегда были интонации человека, полного решимости не поднимать глаз от газеты, которую он читает.

– Это, конечно, намного лучше!

– Сомневаюсь, что лучше, матушка, но, во всяком случае, точнее. Как бы то ни было – насколько нам известно, жители острова Шестого Воскресенья После Пасхи никогда не готовили людей для употребления в пищу, будь то в котле или без оно.

– Не понимаю, зачем тебе вздумалось ехать на другой конец света. – Бабушка переменила направление атаки.

– Кому-то надо ехать. Наш флаг должен реять над морями.

– Это еще почему?

– Матушка, вы меня удивляете. Это *наш* флаг. Он должен реять.

– Не забывай: стоит всего ста тридцати восьми людям умереть, и ты станешь королем!

– Матушка, вы мне постоянно об этом напоминаете. А вот отец говорил, что наши претензии весьма слабы, если учесть события тысяча четыреста двадцать первого года. В любом случае в ожидании всех этих маловероятных смертей я вполне могу послужить империи.

– А там есть *общество*?

Бабушка умела очень отчетливо выделять голосом нужные слова. *Общество* означало людей богатых, влиятельных или (предпочтительно) богатых и влиятельных одновременно. Правда, ни в коем случае не богаче и не влиятельнее самой бабушки.

– Ну, там есть епископ... Очень хороший человек, судя по всему. Плавает по островам на каноэ и болтает на местном языке как абориген. Ходит босиком. Есть еще Макразер, владелец верфи. Учит местных жителей играть в крикет. Кстати говоря, я должен привезти с собой еще набор для крикета. И, конечно, туда часто заходят корабли, так что я как губернатор должен буду устраивать приемы для офицеров.

– Безумцы, пораженные солнечным ударом, голые дикари...

– Они вообще-то носят щитки.

– Что? Что? О чем ты говоришь?

Еще одной чертой бабушки была незыблемая уверенность: беседа – это когда бабушка говорит, а все остальные слушают. Поэтому, если собеседник вдруг подавал голос, хотя бы ненадолго, бабушку это удивляло и сбивало с толку. Для нее это была странная игра природы, вроде летающих свиней.

– Щитки, – любезно повторил отец Дафны, – и защитные... как их там. Макразер говорит, что им трудно понять разницу между ударами по воротцам и ударами по защитнику.

– Прекрасно! Безумцы, пораженные солнечным ударом, *полуголые* дикари и морской флот. Неужели ты думаешь, что я подвергну свою внучку таким опасностям?

– Морской флот – это не очень опасно.

– А если она выйдет замуж за моряка!

– Как тетя Пантенопа?

Дафна представила себе едва заметную улыбку отца. Эта улыбка всегда злила его мать. Впрочем, ее злило практически все.

– Ее муж – контр-адмирал! – отрезала бабушка. – Это совсем другое!

– Матушка, незачем устраивать такую суматоху. Я уже сказал его величеству, что поеду. Эрминтруда поедет вслед за мной, через месяц-два. Нам полезно будет попутешествовать. Этот дом слишком большой и холодный.

– Тем не менее я запрещаю...

– И слишком *безлюдный*. В нем живут *воспоминания*! С того дня здесь слишком много утихшего смеха, шагов, которых никто не слышит, беззвучного эха! – Слова рокотали, как раскаты грома. – Я решил и не позволю отменить свое решение, даже вам не позволю! Я сообщил во дворец, чтобы ее отправили ко мне, как только я устроюсь на новом месте. Вы поняли? Думаю, моя дочь поняла бы! *И, может быть, на другом краю света найдется место, где я не буду слышать тех криков, и тогда, может быть, я найду в себе силы простить Бога!*

Судя по шагам, отец направился к выходу. У Дафны двумя ручейками текли слезы, встречаясь на подбородке, ночная рубашка промокла.

И тут бабушка сказала:

– А где девочка будет учиться, позволь тебя спросить?

Как ей это удастся? Как она может выдавать такое, когда в серебре и люстрах еще бродит маленькое жестяное эхо? Неужели она не помнит те гробы?

Может, и помнит. Может быть, она полагает, что ее сын должен провести жизнь на одном месте, как корабль на приколе. И, видимо, это сработало, потому что он остановился, взявшись за ручку двери, и сказал почти без дрожи в голосе:

– В Порт-Мерсии у нее будет учитель. Это ей будет полезно – расширит горизонты. Видите, я обо всем подумал.

– Ты их этим не воскресишь, знаешь ли.

В этом была вся бабушка. Дафна в ужасе зажала рот рукой. Почему эта женщина такая... *тупая?*

Дафна прекрасно представляла себе, какое у отца сейчас лицо. Она услышала, как он идет по столовой, направляясь к выходу. Сейчас он изо всех сил хлопнет дверью... Но папа был не такой человек. Дверь закрылась с едва слышным щелчком, который отдался у Дафны в голове громче любого грохота.

Тут Дафна проснулась и очень этому обрадовалась. Расширившийся горизонт алел, но Дафна закоченела до костей и была такая голодная, словно с самого рождения ничего не ела. Проголодалась она как раз вовремя: из горшка доносился рыбный, пряный запах, от которого у нее слюнки потекли.

Мальчик стоял поодаль, держа копье и вглядываясь в море. Дафна едва различала его в свете костра.

Он подложил в костер еще бревен. Они ревели, трещали и взрывались, выпуская пар. Густые облака дыма и пара уходили в небо. А мальчик охранял пляж.

От чего? Это был настоящий остров. Многие острова, виденные Дафной в плавании, были гораздо меньше. Иные представляли собой просто скалу, окруженную песчаными дюнами. Осталась ли хоть одна живая душа в радиусе ста миль? Чего боится мальчик?

Мау смотрел в море. Оно было такое ровное, что отражало звезды.

Откуда-то с края света к острову летел завтрашний день. Мау понятия не имел, чем обернется этот день, но ждал его с опаской. У них были еда и огонь, но этого недостаточно. Люди говорили: человеку нужно найти воду, еду, оружие и укрытие. Они думали, что больше ничего не нужно, потому что самое главное принимали как должное. Человеку нужно к чему-то принадлежать.

Мау никогда не считал, сколько людей в Народе. Их было... достаточно. Достаточно, чтобы чувствовать себя частью чего-то большего. Чего-то такого, что видело вчерашние дни и увидит еще множество завтрашних дней. Живущего по известным правилам, которые работали именно потому, что все их знали настолько хорошо, что они стали тканью самой жизни. Люди жили и умирали, а Народ был всегда. Мау отправлялся с дядьями в долгие путешествия, на сотни миль от острова, но Народ никуда не девался, он был где-то за горизонтом и ждал, пока Мау вернется. Мау это *чувствовал*.

Что ему делать с призрачной девчонкой? Может, какие-нибудь другие брючки будут ее искать и явятся сюда? И заберут ее, и Мау опять останется один. Это будет ужасно. Его пугали не призраки, а воспоминания. Может, это одно и то же? Если женщина ежедневно ходит с калечатом за водой по одной и той же тропе, запомнит ли ее тропа?

Мау закрывал глаза, и остров наполнялся людьми. Может быть, это остров помнит их шаги и лица и вкладывает их в голову Мау? Дедушки сказали, что теперь Народ – это он. Но этого не может быть. Много людей могут стать одним, но один человек не может стать многими. Но он будет их помнить, и если сюда придут другие люди, он расскажет им о Народе, и тогда Народ опять оживет.

Хорошо, что призрачная девочка здесь. Без нее Мау вошел бы в темную воду. Нырять за девочкой в косяк серебряных пузырей, он слышал шепот. Так легко было поддаться на хитрые слова Лоахи и кануть во тьму, но тогда и девочка утонула бы.

Мау не намерен был оставаться в одиночестве. Да и не будет. Остаться наедине с голосами стариков, которые все время командуют и никогда не слушают? Ни за что.

Нет... они будут тут вдвоем, и он научит ее говорить, чтобы поделиться с ней воспоминаниями, и когда кто-нибудь придет, они смогут сказать: «Когда-то здесь жило много людей, а потом пришла волна».

Он услышал, как девочка зашевелилась, и понял, что она за ним наблюдает. И еще одно: из горшка вкусно пахло супом, а для себя одного Мау, скорее всего, не стал бы готовить. В супе была рыба-лапша, наловленная им с рифа, горсть мидий, имбирь из Женской деревни. Еще Мау нарубил туда таро – для сытности.

Он взял две палки, вытащил горшок из углей и вручил девочке половинку раковины в качестве ложки.

А потом на них «напала смешинка». Наверное, потому, что обоим приходилось дуть на суп, чтобы он остыл, и девочка заметно удивилась, когда оказалось, что Мау выплевывает рыбные кости в огонь. Сама она очень осторожно выкашливала их на клочок материи с оборочками, задубевший от песка и соли. Кто-то из них двоих захихикал... а может, и оба сразу... и Мау так ослабел от смеха, что не смог выплюнуть очередную рыбью кость, а вместо этого выкашлянул ее на ладонь с тем же звуком, который производила девочка, – что-то вроде «пю!»,

и девочка чуть не подавилась от смеха. Но ей удалось на секунду подавить смех, чтобы попробовать выплюнуть кость. Правда, это у нее так и не вышло.

Они не знали, почему это смешно. Иногда человек смеется, потому что в душе больше нет места для слез. Иногда потому, что светский этикет у костра на морском берегу – это очень смешно. Иногда потому, что ты выжил, когда все было против тебя.

А потом они легли у костра, глядя в небо, где звезда Воздуха сверкала желтоватым светом на востоке, а Костер Имо краснел прямо в зените. И сон накрыл их, как волной.

Мау открыл глаза.

Мир был полон птичьих песен. Они царили повсюду, самые разные – от трубных звуков, с которыми птицы-дедушки отрывали вчерашний ужин, до чего-то такого, что, строго говоря, никак не могло считаться песней. Оно доносилось от нижнего леса и звучало следующим образом: «Попка хочет сахарку! Старый святоша! Покажи нам панталончики!»

Мау сел.

Девочка исчезла. Ее странные беспалые отпечатки ног вели в сторону нижнего леса.

Мау заглянул в горшок. Вчера они съели все без остатка, но пока они спали, какой-то мелкий зверек вылизал горшок дочиста.

Сегодня, пожалуй, можно продолжить расчистку полей. Может быть, от урожая осталось хоть что-то...

– ВОССТАНОВИ ЯКОРЯ БОГОВ! ИСПОЛНИ ПЕСНОПЕНИЯ!

Ну вот... А ведь день начинался так замечательно, хоть и ужасно, конечно.

Якоря богов... Трудно объяснить, что это такое. Если ты о них спрашивал, тебе отвечали, что ты еще мал и не поймешь. Мау знал только, что якоря удерживают богов на месте и не позволяют им улететь в небо. Конечно, боги все равно жили в небе. Но любые вопросы по этому поводу считались глупыми. Боги могли быть где им угодно. Хотя по каким-то причинам – совершенно очевидным, или, точнее, совершенно очевидным для жрецов, – боги оставались в окрестности якорей богов и приносили людям удачу.

Так какой же бог привел большую волну и какая именно в этом была удача?

Люди рассказывали, что большая волна уже один раз приходила. Она часто упоминалась в историях про времена, когда все было другое и луна тоже была другая. Старики говорили: волна пришла, потому что люди стали плохие. Но старики всегда такое говорят. Волны приходят, люди умирают, а богам все равно. Имо сотворил всё и сам был всем – почему он?.. Неужели он мог сотворить *бесполезных* богов? Это была очередная мысль, которая родилась в темноте, царившей внутри Мау. Несколько дней назад ему не пришло бы в голову даже подумать о таком. Эта мысль была настолько опасна, что Мау решил выбросить ее из головы как можно скорее.

Что ему делать с якорями богов? Но Дедушки не отвечали на вопросы. Небольшие алтари из глины или дерева были раскиданы по всему острову. Люди ставили их с самыми разными целями – чтобы боги помогли больному ребенку выздороветь или позаботились о сохранности урожая. А поскольку передвигать алтари было очень плохой приметой, их никто не трогал. Они сами со временем разваливались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.